МОЖНО ЛИ ПОЗИТИВНЫМЪ ФИЛОСОФСКИМЪ МЕТОДОМЪ ДОКАЗЫВАТЬ БЫТІЕ ЧЕГО-ЛИБО СВЕРХЧУВСТВЕННАГО—БОГА, ДУХОВНОЙ БЕЗСМЕРТНОЙ ДУШИ И Т. П. (1)?

—

Позитивная философія принимаетъ только *реальное объективное знаніе за истинное знаніе*, — доступнымъ истинному познанію считаетъ то, что или непосредственно основывается на опытѣ, наблюденіи, свидѣтельствѣ чувствъ, или логически вѣрно, строго-позитивнымъ индуктивно-дедуктивнымъ методомъ вытекаетъ изъ непосредственнаго опыта, наблюденія, свидѣтельства чувствъ и что въ выводѣ своемъ можетъ быть повѣрено тѣмъ же способомъ, опытомъ, наблюденіемъ, свидѣтельствомъ чувствъ.

Такимъ образомъ позитивное, реально-объективное знаніе какъ источникомъ своимъ, такъ и критеріемъ имѣетъ опытъ, наблюденіе, свидѣтельство чувствъ,— эмпирическое, чувственное.

Что мы называемъ *реальнымъ?* То, что есть in re, что существуетъ въ дѣйствительности.

Что называемъ *объективнымъ?* На философскомъ языкѣ субъектомъ называется мыслящая личность; объектомъ — мыслимый предметъ. Понятіемъ или представленіемъ субъективнымъ называется понятіе или

---

(1) Сводъ критическихъ замѣчаній, сдѣланныхъ по поводу сочиненій, писанныхъ студентами академіи на эту тему.

представленіе, соотвѣтствующее только законамъ мышленія мыслящаго субъекта, безъ соотношенія понятія или представленія къ мыслимому или представляемому, внѣ мыслящаго ума существующему объекту. Знаніемъ или истиною субъективными называются знаніе или истина, соотвѣтствующія только законамъ мышленія и познанія безъ соотношенія къ законамъ бытія предметовъ; а знаніемъ или истиною объективными называются знаніе или истина, которыя соотвѣтствуютъ сколько законамъ мышленія и познанія, столько же законамъ и дѣйствительнаго бытія мыслимыхъ и познаваемыхъ предметовъ.

Что̀ мы называемъ *чувственнымъ?* То, что̀ подлежитъ чувствамъ, или дѣйствуетъ на чувства.

Все ли чувственное—чувствомъ постигаемое объективно?

Рѣшенію этого вопроса мы должны предпослать другіе вопросы для возможно-точнаго анализа:

1) *Сколько у насъ чувствъ и какія?*

Чувства раздѣляются на *внѣшнія и внутреннія.* Раздѣленіе съ эмпирической точки зрѣнія не строго точное. Въ отношеніи къ воспринимающему *субъекту* всѣ чувства суть внутреннія, внутри субъекта дѣйствующія какъ физіологически, такъ и психологически: всѣ ощущенія суть дѣятельности внутри субъекта происходящія. Только въ отношеніи къ воспринимаемымъ *предметамъ* это раздѣленіе чувствъ на внѣшнія и внутреннія можетъ быть удержано: изъ предметовъ, дѣйствующихъ на чувство, одни находятся внѣ чувствующаго субъекта, другіе внутри его.

Къ такъ называемымъ *внѣшнимъ чувствамъ* обыкновенно относятся пять: зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе и осязаніе, при чемъ осязаніе должно быть понимаемо широко, какъ общая воспріимчивость, въ разныхъ мѣстахъ разностепенная, всей поверхности человѣческаго тѣла.

Ко внутреннему чувству, понимаемому въ обширномъ смыслѣ, — какъ оно является не въ школь-

ныхъ системахъ, а въ фактѣ ощущенія,—должно отнести: 1) низшую степень ощущенія физическаго, какъ то: боли, голода, усталости и т. п. и 2) высшую степень ощущенія движеній и дѣятельностей душевныхъ: страха, радости, тоски, умиленія, любви, разнообразныхъ движеній воли и мысли,—ощущенія, которое въ этой сферѣ — сферѣ мышленія переходитъ въ сознаніе и самосознаніе.

2) Вопросъ: *все ли чувственное объективно*—значитъ: такъ ли существуютъ въ дѣйствительности предметы, какъ свидѣтельствуютъ намъ наши чувства,—имѣютъ ли объекты въ себѣ тѣ свойства, какія придаются имъ нашими ощущеніями?

Тутъ нуженъ точный анализъ.

1) Сначала разсудимъ *о внѣшнемъ чувствѣ, объективно ли его свидѣтельство?*

Свойства предметовъ, открываемыя въ нихъ *чувствомъ вкуса*, *совершенно субъективны:* ощущенія вкуса—сладкое, кислое, горькое и т. п., это—состоянія, принадлежащія ощущающему рту, свидѣтельствующія объ объектѣ только то, что онъ имѣетъ въ себѣ какое-то свойство, въ данный моментъ способное производить въ моемъ рту извѣстное ощущеніе. Крайняя субъективность свойствъ, открываемыхъ въ предметахъ чувствомъ вкуса, доказывается тѣмъ, 1) что у одного и тогоже человѣка въ разныхъ возрастахъ, положеніяхъ и состояніяхъ ощущенія вкуса, какъ по степени, такъ и по привлекательности и даже по значимости своей, весьма переходчивы, — 2) у разныхъ людей, по различію расъ, развитія и состояній, различны,—3) у животныхъ, какъ напр. у свиньи, отличны отъ ощущеній у человѣка.

О свойствахъ, открываемыхъ въ предметахъ *чувствомъ обонянія*, должно сказать тоже самое, что и о чувствѣ вкуса: запахи суть возбужденія обонятельнаго нерва какимъ-то свойствомъ частицъ, механически отдѣляющихся отъ обоняемаго тѣла: эти ощущенія у животныхъ, у людей, даже у одного и тогоже человѣка различны.

Свойства, открываемыя въ предметахъ *чувствомъ слуха*, субъективны до того, что въ предметахъ — можно сказать—не существуютъ. Звукъ въ звучащемъ предметѣ есть только движеніе частицъ, которое звукомъ становится только въ слуховомъ нервѣ, сотрясаемомъ этимъ движеніемъ. Въ природѣ же внѣ слуховаго нерва нѣтъ звуковъ: нѣмая она только движется. Субъективность свойствъ, открываемыхъ этимъ чувствомъ, видна изъ того, 1) что у животныхъ, у которыхъ слуховой органъ устроенъ далеко несходно съ нашимъ, какъ-то у рыбъ, ощущенія звука должны быть весьма отличны отъ нашего, тѣмъ болѣе, что на значимость звука у водяныхъ животныхъ должна много вліять среда, въ которой онѣ живутъ. 2) У животныхъ высшихъ, каковы птицы и млекопитающія, ощущенія звука должны быть отличны по напряженію (собака, кошка слышатъ, что̀ нужно имъ слышать, лучше человѣка) и привлекательности (если животныя и могутъ различать тоны, чего отрицать нельзя, то едвали эти тоны имѣютъ для внутренняго животнаго ощущенія тоже значеніе привлекательности, какъ для человѣка; можно даже сказать рѣшительно, что не имѣютъ); 3) у разныхъ людей ощущенія звука различны по степени напряженія, по значимости (нѣкоторые, весьма многіе люди мало воспріимчивы къ различенію тоновъ, напр. дикари, огрубѣлые поселяне), по привлекательности (дикарямъ, даже нерѣдко нашимъ поселянамъ, нравятся безмѣрно нескладныя сочетанія звуковъ въ мѣстныхъ народныхъ пѣсняхъ, напр. въ С—ѣ, и конечно рѣшительно непонятны сонаты Бетховена и т. п.); 4) у одного и тогоже человѣка эти ощущенія могутъ разнообразиться, опускаться и подниматься въ своемъ качествѣ весьма много,—до глухоты и нѣмоты, а съ другой стороны до крайней степени тонкости и раздражительности слуховаго нерва.

Подобнымъ же образомъ и свойства, открываемыя въ предметахъ *чувствомъ зрѣнія*, также весьма субъективны, и субъективны во многихъ и разно-

образныхъ отношеніяхъ. 1) Нѣтъ возможности повѣрить, одинаково ли по размѣрамъ, по цвѣту, даже по формѣ, не говоря уже о привлекательности цвѣтовъ и сочетаній ихъ, представляются предметы животнымъ, также какъ и человѣку. Несомнѣнно, что нѣкоторымъ животнымъ, напр. ночнымъ птицамъ, нетопырямъ и т. п., предметы должны представляться иначе, чѣмъ человѣку. 2) Въ отношеніи къ человѣку на свойства предметовъ, открываемыя зрѣніемъ, вліяетъ во-первыхъ внѣшняя среда, чрезъ которую смотримъ: а) день свѣтлый или пасмурный, б) лунное и солнечное затмѣнія, в) времена дня, день и ночь, утро и вечеръ, г) времена года, весна и осень, лѣто и зима, д) географическіе поясы и страны свѣта, е) положеніе зрителя въ разныхъ слояхъ атмосферы, у горизонта, на высотѣ полета аэростатовъ, на крайнемъ предѣлѣ атмосферы, гдѣ свѣтъ изчезаетъ: внѣ атмосферы нѣтъ ни солнца ни звѣздъ, а въ атмосферѣ онѣ являются всегда и неизбѣжно подъ вліяніемъ атмосферной аберраціи. 3) ...Вліяетъ среда зрительнаго органа: доказано, что отпечатокъ предмета, дѣйствующій на зрительный нервъ, получается именно въ глазѣ и притомъ чувствуется въ глазѣ, отпечатокъ представляется въ обратномъ видѣ, движеніе отпечатка въ глазѣ происходитъ обратно движенію предмета въ дѣйствительности, отпечатокъ предмета всегда бываетъ меньше предмета и больше или меньше смотря по разстоянію,—однимъ словомъ зритель, касаясь падающаго отъ предмета свѣтоваго луча, по отраженію этого луча на зрительномъ нервѣ, субъективно пріучается приписывать предметамъ величину, извѣстное положеніе, извѣстное разстояніе, извѣстное движеніе. 4) Доказано, что цвѣта вовсе не принадлежатъ предметамъ, — имъ принадлежитъ только способность принять свѣтящій лучь, всегда часть его поглотить и за тѣмъ, преломивъ его, отразить въ одномъ ли направленіи (какъ отражаютъ полированныя плоскости, хотя и тѣ никогда не отражаютъ лучь абсолютно въ одномъ направле-

нiи), или въ разнообразномъ, отразить лучь въ возможно цѣлостномъ его видѣ или разложивъ его на элементарные цвѣта, — отразить всѣ ли разложенные элементарные цвѣта или только нѣкоторые или одинъ, одинъ въ чистомъ ли видѣ одного изъ радужныхъ лучей, или въ смѣшанномъ. 5) Не говоримъ о напряженiи ощущенiй зрѣнiя, о значимости, о привлекательности какъ отдѣльныхъ цвѣтовъ, такъ и сочетанiя ихъ у разныхъ людей; у одного и тогоже человѣка эти ощущенiя бываютъ различны по возрасту, душевному развитiю, по состоянiю здоровому или болѣзненному, по внѣшней средѣ, чрезъ которую человѣкъ смотритъ—очки, зрительныя трубы и т. п.

Наконецъ самое повидимому непосредственное чувство осязанiя—и то даетъ намъ свойства предметовъ больше субъективныя, чѣмъ объективныя такъ, что и здѣсь трудно, если только возможно, опредѣлить, что̀ есть здѣсь объективнаго и что̀ субъективнаго. Этимъ чувствомъ мы опредѣляемъ въ предметахъ степень температуры, гладкость и шероховатость, упругость, твердость и фигуру. Но 1) *тепло и холодъ*— степени температуры въ природѣ не существуютъ: тамъ есть только движенiе частицъ тѣла, большее или меньшее расширенiе или сжатiе ихъ; 2) ощущенiе степеней температуры, гладкости и шероховатости, даже упругости, твердости и фигуральности тѣлъ у разныхъ людей, даже у одного и тогоже человѣка въ разныхъ положенiяхъ, весьма различны; а у человѣка и животныхъ различны до того, что нѣкоторыя изъ названныхъ свойствъ животнымъ болѣе или менѣе недоступны по несуществованiю у нихъ спецiальнаго чувствилища осязанiя подобнаго нашимъ пальцамъ: атласистая гладкость тѣлъ для животныхъ не существуетъ; упругость воды и воздуха для рыбъ, плавающихъ и летающихъ птицъ, для животныхъ насущныхъ весьма различна; даже фигуральность тѣлъ для одного осязанiя животныхъ, внѣ связи съ чувствомъ зрѣнiя, должна быть весьма мало доступна. Самымъ

объективнымъ ощущеніемъ для чувства осязанія остается ощущеніе твердости тѣлъ, когда оно переходитъ въ ощущеніе неподатливости тѣла, непроницаемости: но и это ощущеніе, разсматриваемое только какъ ощущеніе, не касаясь его субъективности—его существованія только внутри чувствующаго субъекта, у разныхъ ощущающихъ, человѣка или животныхъ (наприм. медвѣдя гнущаго въ дугу дубину, какъ прутикъ), должно быть различно. Субъективность ощущенія даже твердости—непроницаемости тѣлъ тѣмъ несомнѣннѣе, что абсолютная непроницаемость тѣла до сихъ поръ есть только физическое предположеніе, но не эмпирическій фактъ, такъ какъ предѣлъ сжимаемости тѣлъ, подъ вліяніемъ холода съ одной стороны, а съ другой, наприм. въ сжимаемости глины, подъ вліяніемъ высокой температуры, а также подъ вліяніемъ высокаго давленія, наприм. въ сжимаемости воздуха въ трубкѣ подъ вліяніемъ внѣшняго давленія, пока не установленъ. Мыслимо даже то, что если бы въ природѣ абсолютно воцарился холодъ—сила тожественная міровой силѣ притяженія и противоположная міровой расширяющей силѣ тепла, то все вещество міровое сжалось бы до атома, иначе сказать—до ничтожества...

Субъективность данныхъ, получаемыхъ изъ ощущеній внѣшнихъ чувствъ, доказывается еще тѣмъ, что, какъ доказано теперь наукою, чувствуетъ въ насъ собственно центральное чувствилище—мозгъ головной съ своимъ продолженіемъ — спиннымъ мозгомъ, хотя намъ кажется, будто ощущеніе получается на конечныхъ узлахъ чувствующихъ нервовъ — глазъ, ушей, пальцевъ, ноздрей, рта, поверхности кожи, будто именно эти нервы прикасаются къ объектамъ, тогда какъ отдѣленные отъ общаго чувствилища они не чувствуютъ и объекты со своими свойствами перестаютъ для нихъ существовать; и наоборотъ общее чувствилище можетъ быть возбуждаемо не въ самыхъ органахъ внѣшнихъ чувствъ, а получать ощущенія какъ будто въ самыхъ органахъ, наприм. ощущеніе свѣта въ зри-

тельномъ нервѣ безъ свѣтящаго предмета и отраженія его въ глазѣ, ощущеніе осязанія предметовъ, когда пальцы отрѣзаны и т. п.

Крайне ненормальное развитіе подобной неправильно-дѣйствующей чувствительности оканчивается болѣзненными галлюцинаціями чувствъ, всѣхъ чувствъ, не только вкуса и обонянія, но и слуха и зрѣнія и даже осязанія; при чемъ сознаніе чувствующаго, большею частію, или по крайности весьма часто, никакъ не можетъ отрѣшиться отъ увѣренности въ бытіи ощущаемыхъ предметовъ съ ихъ свойствами.

Итакъ принимая во вниманіе, что 1) всѣ ощущенія внѣшнихъ чувствъ суть дѣятельности внутреннія, совершающіяся внутри чувствующаго субъекта,—что 2) формулируются онѣ въ ощущенія опредѣленныя, доступныя сознанію, не иначе какъ въ центральномъ чувствилищѣ мозга головнаго съ его продолженіемъ—мозгомъ спиннымъ,—3) формулируются въ опредѣленныя ощущенія, какъ-бы воспринимаемыя отъ внѣ существующихъ предметовъ, нерѣдко при несуществованіи не только предметовъ, но и самыхъ подлежащихъ органовъ чувствъ,—4) что цѣлыя области свойствъ, открываемыя чувствами въ предметахъ, или не принадлежатъ предметамъ, или имѣютъ въ дѣйствительности иную форму существованія, напр.—а) свойства, относящіяся къ опредѣленію температуры, въ объективномъ бытіи суть только разныя перемѣщенія частицъ тѣла, б) цвѣта—движеніе эѳира, возбуждаемаго свѣтящими тѣлами или даже истекающаго изъ свѣтящихъ тѣлъ, такъ что безъ свѣтящихъ тѣлъ нѣтъ цвѣтовъ въ тѣлахъ темныхъ, съ другой стороны, если свѣтъ свѣтящихъ тѣлъ не отражается въ несвѣтящихъ, то и свѣтящія тѣла для нашего чувства исчезаютъ: внѣ темной земной атмосферы нѣтъ свѣта ни солнечнаго ни звѣзднаго,—в) звукъ въ природѣ есть только извѣстнаго рода нѣмое движеніе частицъ тѣла: звука въ природѣ внѣ чувствъ слуха нѣтъ, — г) точно также внѣ чувствъ вкуса и обонянія нѣтъ ни

горькаго ни кислаго, ни благовоннаго ни зловоннаго; есть только опять же извѣстнаго рода перемѣщеніе частицъ, при чемъ ощущаемый предметъ въ ощущеніи перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ до ощущенія, механически и химически соединяясь съ соками рта или носа.—5) для чувства животныхъ многія свойства тѣлъ или не существуютъ или существуютъ иначе, какъ для человѣка: а) такъ вкусы и запахи для животныхъ имѣютъ иное значеніе; даже невозможно увѣриться, существуютъ ли для птицъ, рыбъ и пресмыкающихся сладкое, кислое, горькое, розовое, фіалковое и т. п. б) для рыбъ, не говоря о пресмыкающихся, звуки должны имѣть иное значеніе, в) для рыбъ, нетопырей, ночныхъ птицъ и т. п. цвѣта должны имѣть иное значеніе, а нѣкоторые цвѣта безъ сомнѣнія вовсе не существуютъ: картинность, какъ и музыкальность для животныхъ, даже высшихъ, едва ли существуютъ; г) для рыбъ, птицъ, животныхъ четвероногихъ степени температуры и упругости должны быть различны, а свойства гладкости, шероховатости, фигуральности для животнаго осязанія если и существуютъ, то въ весьма малой мѣрѣ; 6) и у людей, даже у одного и того же человѣка въ разныхъ положеніяхъ, ощущенія различны и переходчивы, такъ что можно сказать—нѣкоторыя свойства предметовъ для цѣлыхъ классовъ людей въ извѣстныхъ состояніяхъ не существуютъ: а) для людей, живущихъ въ зловоніи, зловонное не зловонно, сильное благовоніе только благовоніе, тонкое благовоніе не существуетъ; б) для рта грубыхъ людей тонкости гастрономіи неуловимы; в) картинность, высокая музыкальность для нихъ вовсе непостижима; г) атласистость поверхностей, тонкая фигуральность (въ родѣ граматы доступной для слѣпцовъ) недоступны; 7) для самаго обширнаго по дѣятельности въ сферѣ опыта и наиболѣе изученнаго чувства зрѣнія существуютъ не предметы съ ихъ свойствами, а отображенія ихъ на сѣтчатой нервной оболочкѣ глаза, отображенія въ уменьшенномъ сравнитель-

но съ предметами видѣ и обратномъ положеніи, отображенія, движущіяся на нервной оболочкѣ обратно движенію предметовъ и существующія неиначе какъ внутри глаза на сѣтчатой оболочкѣ, хотя бы отображенный предметъ отстоялъ отъ глаза такъ далеко, какъ самое дальнее изъ туманныхъ звѣздныхъ пятенъ; представленія же величины, разстоянія, положенія и движенія предметовъ суть только чисто субъективныя умозаключенія, какія человѣкъ привыкаетъ дѣлать изъ отпечатковъ видимыхъ предметовъ въ глазу,—принимая все это во вниманіе, мы должны утвердительно сказать, что *всѣ свойства, приписываемыя объектамъ на основаніи ощущеній внѣшняго чувства, рѣшительно субъективны такъ, что о нѣкоторыхъ нельзя сказать, существуютъ ли они въ извѣстномъ объектѣ или нѣтъ, о другихъ же можно сказать, что существуетъ только въ субъектѣ, но не въ объектѣ.*

Но этого мало. Извѣстно и принято и очевидно, что *ощущеніе* само по себѣ, какъ таковое, безсознательно; сознательнымъ становится оно съ того момента, какъ посредствомъ чувственнаго *воззрѣнія или воспріятія* оно въ видѣ *представленія* является въ области сознанія, гдѣ воспринятыя чрезъ ощущеніе отдѣльныя черты предметовъ мгновенно сливаются въ *конкретъ*, который въ дальнѣйшей дѣятельности разсудка становится *конкретною схемою*, поставленною подъ извѣстное *видовое и родовое и т. д. понятіе*. Это превращеніе чувственнаго воспріятія въ конкретное представленіе, въ обособленный индивидуумъ, оттѣненный видовою и родовою схемою, совершается въ нашемъ сознаніи съ быстротою молніи двумя путями или методами: 1) восхожденія, собиранія, *индукціи*, 2) нисхожденія — аналогіи — *дедукціи*: наприм. этотъ лимонъ желтъ, бугристъ, киселъ, пахучь, овалень; другой лимонъ желтъ, бугристъ, киселъ, пахучь, овалень,—всѣ лимоны кисли, пахучи, бугристы, желты, овальны,—индукція; дедукція — аналогія: этотъ предметъ желтъ, бугристъ, овалень, значитъ и киселъ и

пахучь, значитъ лимонъ, при чемъ подъ этотъ конкретъ мгновенно подкладываются схемы тропическій, садовый, фруктъ, растеніе, органическое, матеріальный предметъ извѣстнаго времени, пространства и т. д., при чемъ всѣ общія свойства видовъ и родовъ, подъ которыя мы подводимъ этотъ индивидуумъ, мы мгновенно усвояемъ и ему, хотя бы въ немъ непосредственнымъ воспріятіемъ и не усмотрѣли этихъ общихъ видовыхъ и родовыхъ стойствъ. Не будемъ здѣсь (*) воскрешать старый столкоже, сколько и неразрѣшимый, и потому безплодный между номиналистами и реалистами, равно какъ современными намъ идеалистами и позитивистами споръ о томъ, прирождены или нѣтъ общія схемы—категоріи понятій, или пріобрѣтаются нами изъ опыта, существуетъ ли наприм. въ природѣ время и пространство, или это только общія прирожденныя человѣку формы чувственнаго воззрѣнія. Но то дознано и общепринято, равно какъ и очевидно, что 1) съ одной стороны ни одинъ конкретъ не можетъ быть адекватенъ представляемому предмету,—что чѣмъ индивидуальнѣе предметъ, тѣмъ необъятнѣе содержаніе соотвѣтствующаго ему понятія, неуловимѣе, безмѣрнѣе количество принадлежащихъ ему свойствъ и признаковъ,—что наиболѣе конкретныя понятія мыслятся въ нашемъ умѣ неиначе, какъ подъ болѣе или менѣе обобщенною схемою, наприм. Зефировъ—III курса, студентъ, казанской, духовной, академіи, духовный, воспитанникъ, русскій, европеецъ, XIX вѣка, человѣкъ и т. д., а 2) съ другой стороны никакое родовое или видовое понятіе не можетъ быть представляемо въ нашемъ сознаніи иначе, какъ въ конкретированной, ни одному индивидууму точно несоотвѣтствующей, субъективно-формулированной формѣ, наприм. человѣкъ не можетъ быть представленъ

(*) Ниже объ этомъ предметѣ мы произнесемъ свое сужденіе болѣе обстоятельно.

только какъ животное духовно-разумное, но безъ носа, головы, рукъ, ногъ и т. д., и именно извѣстныхъ носа, головы, рукъ, ногъ и т. д. Отсюда слѣдуетъ, что ни наиболѣе конкретное понятіе не бываетъ такъ полно по содержанію, какъ представляемый предметъ, ни самое высшее общее понятіе такъ скудно по содержанію, какъ хотѣлъ бы того разсудокъ,—тѣ и другія понятія не адекватны своимъ предметамъ, иначе сказать—не объективны, формулируются въ насъ произвольно-субъективно, — иначе сказать—*всѣ наши понятія, представленія предметовъ, какъ индивидуальныя такъ и общія, какъ конкретныя такъ и отвлеченныя субъективны.*

По всѣмъ этимъ соображеніямъ явствуетъ, что res in se—объекты съ реальными ихъ свойствами для насъ недоступны. какъ училъ *Кантъ*, послѣ котораго *Фихте* утверждалъ, что разумъ нашъ есть сила не теоретическая, а практическая, творящая не только субъективный. но и объективный міръ по прирожденнымъ ей законамъ мышленія,—послѣ котораго вынуждаемый крайностью теоріи. измышленной *Фихт*-омъ, *Шеллингъ* провозглашалъ теорію абсолютнаго тожества — равновѣсія въ универсѣ объективнаго и субъективнаго, — послѣ котораго *Гегель* утверждалъ, что идеи и объекты соотносительны, что ни субъектъ ни объектъ нереальны. а реально отношеніе ихъ — идея, что все есть идея. отчуждающаяся отъ себя въ формѣ инобытія въ природѣ, возвращающаяся къ себѣ въ формѣ для себя—бытія въ абсолютномъ сознаніи истины всего бытія. Во всякомъ случаѣ позитивисты самымъ позитивнымъ анализомъ дѣятельности нашихъ внѣшнихъ чувствъ, и основанной на нихъ первичной работы разсудка вынуждаются сознаться, что *внѣшнія наши чувства свидѣтельствуютъ не о свойствахъ бытія объектовъ, но о свойствахъ, производимыхъ объектомъ въ субъектѣ, внутреннихъ состояній, на основаніи которыхъ разсудокъ, составляя понятія объ объектахъ, формулируетъ ихъ по законамъ мышленія не*

адекватно дѣйствительному бытію предметовъ, т. е. опять же не объективно, а субъективно.

Такимъ образомъ — что же можно, если только можно что-либо, признать объективнымъ въ сферѣ дѣйствія внѣшнихъ чувствъ — въ области внѣшняго опыта? 1) Доказано, что чисто объективнаго понятія ни у одного человѣка нѣтъ ни единаго. 2) Опытъ показываетъ, и греческая философія справедливо провозгласила еще искони, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей. 3) Это совершенно справедливо во-первыхъ въ отношеніи къ каждому частному лицу; каждый человѣкъ невольно вѣритъ тому, о чемъ настойчиво свидѣтельствуютъ ему его внѣшнія чувства: это справедливо до того, что даже высоко развитымъ людямъ часто трудно бываетъ убѣдиться разумнымъ сознаніемъ въ доказанной свидѣтельствомъ другихъ галлюцинаціи чувствъ. 4) Человѣчествомъ же признается за объективное то, что *общ-субъективно:* при чемъ должно сдѣлать слѣдующую дистинкцію понятій: а) нѣтъ ни одного ощущенія, которое было бы абсолютно тожественно, само себѣ равно у всѣхъ людей; б) относительно ощущеній, которыя признаются наиболѣе тожественными, невозможно увѣриться, что они тожественны у всѣхъ людей, потому что для подобнаго увѣренія нѣтъ масштаба; даже можетъ быть мыслимо, что напряженіе и даже быть можетъ значимость чувствительности въ родѣ человѣческомъ измѣняется; у дикарей граничащія съ животными инстиктами чувства несравненно острѣе, даже инороднѣе, чѣмъ у цивилизованныхъ; за то въ свою очередь у цивилизованныхъ развились такія тонкости чувствъ, какихъ у людей приземистыхъ — наиболѣе близкихъ къ матеріальной природѣ, можно сказать, нѣтъ и не было; в) *относительно простыхъ ощущеній обыкновенно признается объективнымъ то, что одинаково чувствовалось всегда и чувствуется вездѣ большинствомъ здоровыхъ людей;* г) *относительно же высшихъ сложныхъ ощущеній признается объективнымъ то, что чувствуется большин-*

ствомъ болѣе развитыхъ людей: такъ въ тонкостяхъ вкусовъ, напр. гастрономическихъ, въ тонкостяхъ запаховъ, напр. косметическихъ, въ музыкальности звуковъ, въ привлекательности цвѣтовъ и сочетаній видимыхъ формъ объективно не то, что̀ чувствуетъ или лучше сказать—чего не чувствуетъ масса неразвитыхъ людей, но то, что̀ чувствуетъ болѣе развитое утонченное меньшинство человѣческаго рода, и противъ ихъ ощущенія хотя бы стояла съ отрицаніемъ вся масса огрубѣлаго человѣчества, начиная отъ первыхъ потомковъ Каина и кончая сотнями милліоновъ дикарей и простецовъ современныхъ Европы, Азіи, Африки, Америки и Австраліи, должно быть признано *объективнымъ то, что открывается въ предметѣ чувствами лучшей части человѣчества, особенно если оно опирается на свидѣтельство чувствъ лучшей части человѣчества всѣхъ вѣковъ.*

II) Перейдемъ теперь *къ внутреннему чувству* и сравнимъ его свидѣтельство съ свидѣтельствомъ чувства внѣшняго въ отношеніи къ объективности или субъективности.

А) Раздѣливъ чувство внутренее на двѣ области 1) *низшую область ощущеній физическихъ* и 2) *высшую область ощущенія движеній и дѣятельностей душевныхъ*, полагая источникомъ этихъ ощущеній вложенныя въ природу нашу, тѣлесныя и душевныя потребности мы усматриваемъ слѣдующіе виды ощущеній: 1) *въ низшей области*: а) проистекающія изъ потребности питанія ощущенія голода и утоленія его, также ощущенія жажды и утоленія оной, б) изъ потребности дыханія легкими и всею поверхностію кожи особое ощущеніе спокойствія при дыханіи, посредствомъ горла и кожи, воздухомъ благорастворенным, и ощущеніе асфиксіи при затрудненіи или остановкѣ дыханія, в) изъ потребности движенія ощущеніе особаго удовольствія при движеніи умѣренномъ и усталости при недостаткѣ или избыткѣ движенія, г) изъ потребности правильнаго хода всѣхъ жизненныхъ отправленій тѣла извѣстныя

ощущенія здоровья, спокойствія, или страданія, боли и т. п. 2) *Въ области высшей душевной* а) происходящія изъ потребностей *высшаго душевнаго эстетическаго чувства*, въ случаѣ ихъ удовлетворенія, ощущенія душевной тишины, веселія, радости, восхищенія, восторга, привязанности, любви, самоотверженія, умиленія, благоговѣнія, всесовершеннаго погруженія въ созерцаемое, при созерцаніи прекраснаго, благороднаго, великаго, высокаго, безконечнаго, и обратнаго свойства ощущенія при неудовлетвореніи сердечныхъ потребностей, б) проистекающія изъ потребностей *воли*—ощущенія спокойствія и одобренія *совѣсти* при созерцаніи въ себѣ ли или въ другихъ поступка нравственно хорошаго, и обратныя ощущенія при нарушеніи нравственнаго идеала, в) наконецъ изъ потребностей *ума* проистекающія ощущенія удовлетворенія при сознаніи правильнаго и успѣшнаго хода умственныхъ работъ, и неудовлетворенія при разстройствѣ, ложномъ направленіи и безплодности этихъ работъ. Надъ всѣми же этими какъ низшими, такъ и высшими ощущеніями должно поставить особое чувство внутренняго душевнаго зрѣнія—*сознанія и самосознанія*, которымъ субъектъ прикасается къ своимъ собственнымъ состояніямъ, какъ будто внѣ его существующимъ объектамъ.

Б) *Объективно ли свидѣтельство этихъ внутреннихъ ощущеній?* Это значитъ, имѣютъ ли объекты въ себѣ тѣ свойства, какія придаются имъ этими ощущеніями? Скажемъ рѣшительно, что свидѣтельства этихъ чувствъ болѣе объективны, по крайней мѣрѣ—болѣе обще-субъективны, чѣмъ свидѣтельства чувствъ внѣшнихъ. И утверждаемъ это относительно чувствъ не только а) низшихъ физіологическихъ, но и б) высшихъ душевныхъ.

а) Сначала оцѣнимъ достовѣрность свидѣтельства *чувства низшаго физіологическаго.*

аа) *Какія свойства это чувство открываетъ въ предметахъ?* 1) Чувство, проистекающее изъ потреб-

ности питанія, открываетъ предметы, имѣющіе свойство утолять физіологическій голодъ и жажду, 2) проистекающее изъ потребности дыханія открываетъ предметы, имѣющіе свойство поддерживать дыханіе легкое правильное, а съ другой стороны предметы, имѣющіе свойство асфиктировать или портить дыханіе какъ въ легкихъ, такъ и на поверхности кожи. 3) проистекающее изъ потребности движенія открываетъ предметы или акты, имѣющіе свойство утолять томительное чувство недостатка или избытка движенія. 4) наконецъ разнообразныя чувства, проистекающія изъ потребности общаго благосостоянія чувствующей особи, открываютъ въ предметахъ свойства и условія, содѣйствующія этому благосостоянію или подрывающія его или даже разрушающія.

бб) Утверждаемъ, что *указанія этихъ чувствъ наиболѣе объективны.* Это явствуетъ изъ того, что никакимъ разсудочнымъ отвлеченіемъ нельзя подвергнуть сомнѣнію принадлежность предметамъ тѣхъ свойствъ, какія открываются въ нихъ этими чувствами. Напротивъ болѣе чѣмъ что-либо несомнѣнно, что предметамъ, которымъ названными чувствами приписываются подлежащія свойства, эти свойства принадлежатъ: 1) утоляющимъ голодъ и жажду—свойство утолять голодъ и жажду, 2) поддерживающимъ правильное дыханіе—свойство поддерживать правильное дыханіе, 3) утоляющимъ потребность движенія—свойство утолять эту потребность, 4) соотвѣтствующимъ потребности родопродолженія—свойство соотвѣтствовать этой потребности, 5) поддерживающимъ общее благосостояніе организма и отвращающимъ отъ него всякаго рода искаженія и страданія—свойство поддерживать общее благосостояніе чувствующей особи и отстранять отъ нея разныя страданія.—Тутъ представляется вопросъ, *отчего происходитъ сравнительно болѣе близкая объективность свидѣтельства этихъ чувствъ, чѣмъ указаній чувствъ сильнѣйшихъ?* Отъ двухъ главныхъ очевидныхъ причинъ: оттого 1) что внутреннія физіологиче-

скія чувства наиболѣе непосредственно соприкасаются съ дѣйствующими на нихъ предметами, — гораздо непосредственнѣе, чѣмъ чувства внѣшнія: отъ зрѣнія видимые предметы часто отстоятъ на безпредѣльное разстояніе, непосредственно же у глаза вовсе не могутъ быть видимы; отъ слуха звущаціе предметы находятся большею частію вдали и иногда весьма далеко, а звущаціе непосредственно около самаго уха или внутри черепа производятъ фальшивое ощущеніе: наиболѣе изъ внѣшнихъ чувствъ соприкасающіяся съ предметами чувства осязанія, обонянія и вкуса совершенно почти сливаются въ своихъ отправленіяхъ съ отправленіями внутренняго органическаго чувства, и имѣя спеціальное назначеніе, наряду съ чувствомъ внутреннимъ, служитъ общему благосостоянію организма, наименѣе даютъ матеріала для познанія и наименѣе суть чувства *теоретическія*, имѣя *животно-практическій характеръ;* оттого и показанія ихъ ближе къ объективности и менѣе могутъ быть подвергаемы оспариванію посредствомъ разсудочнаго анализа, чѣмъ показанія чувствъ наиболѣе дающихъ матеріала для познанія, именно чувствъ слуха и зрѣнія; 2) оттого во-вторыхъ, что внутреннія физіологическія чувства имѣютъ почти исключительно *животно-практическій* характеръ, приближаясь къ чувствамъ вкуса, обонянія и осязанія, и наименѣе *теоретическій*, свойственный чувствамъ зрѣнія и слуха, руководствуясь въ своей дѣятельности задачею разобрать не столько то, что такое вещь въ себѣ и для себя—Ding an und für sich, сколько то, что такое вещь для насъ — въ отношеніи къ чувствующему субъекту. На этотъ-то практическій вопросъ физіологическое чувство и отвѣчаетъ съ наибольшею непогрѣшимостію, что т. е. „данный предметъ дѣйствуетъ на чувство такимъ-то извѣстнымъ образомъ". Имѣетъ ли оно однакоже какое-либо теоретическое значеніе—открываетъ ли въ предметѣ какое-либо объективное свойство? Безспорно, открываетъ большую область дѣйствительно—реально

принадлежащихъ предметамъ свойствъ дѣйствовать на чувство извѣстнымъ образомъ, — и принадлежащихъ тѣмъ болѣе непререкаемо, что въ отправленіяхъ физіологическаго чувства непосредственно дѣйствующій на него объектъ, въ наибольшей части случаевъ, переставая быть самимъ собою, сливается съ чувствующимъ субъектомъ, слѣдовательно — субъектъ въ моментъ такого слитія начинаетъ знать объ объектѣ непосредственно, какъ о себѣ самомъ. *Въ самоощущеніи же человѣкъ не обманывается*, такъ что самый скептическій идеалистъ можетъ быть вынужденъ согласиться, *что ощущеніе есть ощущеніе, и что извѣстный объектъ дѣйствуетъ на него извѣстнымъ чувствуемымъ образомъ.*

вв) Утверждаемъ, что указанія внутренняго физіологическаго чувства какъ болѣе объективны, точно также *и болѣе обще-субъективны, чѣмъ свидѣтельства внѣшнихъ чувствъ.* Не говоримъ 1) о согласіи то всѣхъ безъ изключенія, то огромнаго большинства людей въ признаніи извѣстныхъ предметовъ имѣющими способность удовлетворять требованіямъ физіологическаго чувства въ человѣческомъ организмѣ. 2) Не говоримъ о томъ, что и животныя ближайшаго къ человѣческому органическаго строенія признаютъ очевидно тѣже или аналогичные предметы способными удовлетворять тѣмъ же самымъ или аналогичнымъ въ нихъ потребностямъ. 3) Но кромѣ того утверждаемъ, что здѣсь есть больше возможности повѣрить согласіе или даже тожественность ощущеній у разныхъ людей, чѣмъ тамъ—въ отправленіяхъ чувствъ внѣшнихъ. Никакой нѣтъ возможности увѣриться, что А) мое зрѣніе, видитъ предметы на томъ же разстояніи, въ тѣхъ же размѣрахъ, въ тѣхъ же цвѣтахъ, какъ эти предметы представляются другимъ людямъ: напротивъ опыты показываютъ, что болѣе выпуклымъ—близорукимъ глазамъ предметы должны казаться ближе и больше, чѣмъ дальнозоркимъ плоскимъ,—острому зрѣнію предметы представляются яснѣе—свѣтлѣе, чѣмъ тупому; разноцвѣтно окрашеннымъ внутри

глазамъ предметы должны представляться болѣе или менѣе отѣненными разноцвѣтностію, какъ это замѣчается иногда даже у одного и тогоже субъекта при различіи въ устройствѣ одного глаза отъ другаго,—невозможно увѣриться, что Б) моему слуху звуки представляются не только въ одинаковомъ напряженіи, но и на одинаковой высотѣ: опытъ нерѣдко заставляетъ предполагать противное; такъ въ вокальныхъ хорахъ слишкомъ часто замѣчается явленіе, что извѣстные слухи — голоса въ пѣніи *не доносятъ*, по техническому въ хорахъ термину, а другіе *переносятъ*,—явленіе отражающееся въ голосѣ, но корень свой, по тѣсной связи голосовыхъ нервовъ съ нервами слуха, имѣющее безъ сомнѣнія въ слухѣ, и именно въ томъ, что одному слуху извѣстные тоны слышатся выше, а другому ниже, чѣмъ всѣмъ прочимъ пѣвчимъ. В) Относительно остальныхъ трехъ чувствъ—вкуса, обонянія, осязанія должно сказать тоже: факты показываютъ значительное неравенство въ чувствительности органовъ этихъ чувствъ, такъ что нѣкоторыя ощущенія, существующія для большинства людей, не существуютъ для меньшинства; и наоборотъ ощущенія меньшинства не существуютъ для большинства. Господствующая же тожественность ощущеній внутренняго физіологическаго чувства, нагляднѣе и принудительнѣе, чѣмъ тожественность ощущеній чувства внѣшняго, можетъ быть повѣрена 1) тожественностью явленій предшествующихъ, сопутствующихъ и послѣдующихъ удовлетворенію чувства, напримѣръ чувствъ голода, жажды, асфиксіи, изнуренія отъ утомленія, половой страсти, болѣзни и. т. п., а потомъ 2) особенно рѣзко и принудительно сказывающимися сочувствіемъ одного чувствующаго субъекта съ другимъ въ тожественномъ или аналогичномъ состояніи чувства. Такъ что *въ отправленіяхъ именно этихъ внутреннихъ органическихъ чувствъ единство законовъ природы сказывается наиболѣе или просто—безусловно принудительнымъ образомъ, какъ явленіе не только субъективное или болѣе или менѣе обще-субъективное, но непререкаемо объективное, которое ста-*

новится основаніемъ вѣры, начальнымъ исходнымъ пунктомъ убѣжденія, что тѣмъ же единствомъ законовъ природы проникнуты отправленія и внѣшнихъ чувствъ во всемъ человѣческомъ родѣ, не смотря на разныя проявленія въ нихъ значительной разностепенности, недоразвитости, угнетенія и аномалій.

б) Приступимъ теперь къ оцѣнкѣ достовѣрности, т. е. большей или меньшей объективности и общесубъективности свидѣтельства *внутреннихъ душевныхъ чувствъ.*

аа) Первымъ дѣломъ здѣсь съ наибольшею позитивною точностію слѣдуетъ опредѣлить, *что въ сферѣ душевныхъ дѣятельностей и силъ должно назвать чувствомъ.* Какъ въ дѣятельности разныхъ силъ природы, какъ то: притяженія — отталкиванія электричества, магнетизма и т. д., замѣчается поляризація, такое коренное свойство, по которому каждая изъ этихъ силъ, будучи сама въ себѣ единствомъ, проявляется въ дѣятельности болѣе или менѣе сказывающимся двойствомъ двухъ противоположностей: точно также нѣчто подобное замѣчаемъ мы и въ дѣятельности единой силы человѣческаго чувства, именно при основномъ единствѣ нѣкоторое ощутительное двойство, двѣ стороны единой дѣятельности и силы: *теоретическую силу и практическую*, которыя, будучи существеннымъ единствомъ, въ проявленіи взаимно себя связываютъ проникаютъ и опредѣляютъ. *Одна изъ этихъ силъ теоретическая опредѣляетъ, что такое предметъ есть; а другая — практическая, какъ предметъ относится къ чувствующему субъекту.* Такъ въ 1) *чувствахъ внѣшнихъ* каждое изъ нихъ есть единство той и другой силы—теоретической и практической; тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ, именно въ чувствѣ вкуса и обонянія ощутительно преобладаніе характера практическаго, въ чувствѣ зрѣнія и слуха—преобладаніе характера теоретическаго, а въ осязаніи какъ-бы равновѣсіе того и другаго. 2) Въ отдѣльныхъ проявленіяхъ *внутренняго физіологическаго чувства* хотя не замѣчается такъ

отчетливо преобладаніе одной изъ этихъ сторонъ надъ другою также, какъ въ отдѣльныхъ проявленіяхъ чувства внѣшняго, такъ чтобы въ одномъ изъ особаго рода внутреннихъ органическихъ чувствъ преобладалъ характеръ практическій, а въ другомъ теоретическій: тѣмъ не менѣе однакоже мы ощутительно замѣчаемъ въ нихъ тѣже двѣ стороны дѣйствованія: при господствѣ практической стороны, которая опредѣляетъ или скорѣе *пассивно ощущаетъ*, какъ предметъ дѣйствуетъ на чувство, замѣчаемъ дѣйствованіе и теоретической стороны чувства, которая посредствомъ *свободнаго чувственнаго воззрѣнія*, на основаніи пассивныхъ чувственныхъ воспріятій, опредѣляетъ, какъ предметъ есть. 3) Туже аналогію усматриваемъ мы въ отправленіяхъ *и душевнаго чувства*: въ его цѣлостномъ единствѣ видимъ раздвоеніе его на тѣже двѣ стороны—практическую и теоретическую, изъ коихъ одна опредѣляетъ пассивно, какъ предметъ чувствуется въ душѣ, а другая свободнымъ воззрѣніемъ, какъ предметъ есть. Но здѣсь въ душевномъ чувствѣ раздвоеніе этихъ сторонъ чувствуется еще рѣзче, чѣмъ во внутреннемъ физіологическомъ чувствѣ, и по меньшей мѣрѣ—также ощутительно, если только опять же не ощутительнѣе, какъ въ чувствѣ внѣшнемъ. Именно въ области душевныхъ дѣятельностей, отнесенныхъ къ сферѣ сердца или *эстетическаго вкуса*, мы видимъ преобладаніе характера практическаго, пассивно указывающаго, какъ предметы относятся къ общему строю нашего душевнаго благосостоянія, при чемъ теоретическій анализъ ощущенія противоборствуетъ ему, ослабляя его цѣльность; въ области дѣятельностей, отнесенныхъ къ сферѣ воли, видимъ равновѣсіе характеровъ—практическаго и теоретическаго, которое *при посредствѣ совѣсти* взвѣшиваетъ, какъ извѣстный нравственный актъ относится къ душевному нашему ощущенію и каковъ потому онъ самъ по себѣ; наконецъ въ области дѣятельностей, отнесенныхъ къ сферѣ познавательной силы, видимъ преобладаніе характера теоретическаго, кото-

рый *при посредствѣ сознанія* опредѣляетъ, какъ предметъ самъ въ себѣ есть, хотя не исключаетъ, напротивъ въ корнѣ всякаго убѣжденія предполагаетъ рѣшеніе и практическаго вопроса, какъ познаніе извѣстнаго предмета относится въ насъ къ чувству истины, удовлетворяющимъ или раздражающимъ образомъ. При этомъ слѣдуетъ помнить, что при дробленіи силъ душевныхъ, весьма важномъ и нужномъ въ школахъ и системахъ, въ дѣйствительности является единая разносторонне, неуловимо-раздѣльно и неуловимо-слитно, проявляющаяся душа. Въ системахъ принято раздѣленіе души на три главныя области, познавательную, желательную и чувствующую, и принято конечно только въ видахъ возможно-обстоятельнаго обслѣдованія, по господству въ извѣстной области душевныхъ явленій характера познавательнаго, въ другихъ желательнаго, а въ третьихъ чувствующаго. Но въ фактѣ всѣ эти три силы взаимно себя проникаютъ, и коренная сила души есть чувство по божественно-философскому изреченію божественной Софіи: *отъ сердца исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы.* Это на школьномъ языкѣ значитъ, что и умъ и воля въ корнѣ своемъ суть чувство. Умъ есть сила, имѣющая свои стремленія, чувствующая свои потребности; и воля есть сила, имѣющая свои стремленія, чувствующая свои потребности, какъ и сердце; равно какъ то и другое и третье (и умъ и воля и сердце) испытываетъ, каждое по своему, ощущеніе удовлетворенія при удовлетвореніи своихъ потребностей, при достиженіи цѣли своихъ прирожденныхъ стремленій, и обратное ощущеніе неудовольствія при неудовлетвореніи потребностей. Чувство сердца есть, какъ принято называть, *вкусъ*, чувство воли—*совѣсть*, чувство ума—*сознаніе. Эстетическій вкусъ, совѣсть и сознаніе суть разныя проявленія единаго коренного душевнаго чувства. — суть чувства, какъ и физіологическія внутреннія, какъ и внѣшнія чувства единой цѣлостной души.*

бб) *Какія свойства открываются этими чувствами въ предметахъ?*—Всякое чувство указываетъ предметъ ему подлежащій, тогда какъ наоборотъ предметы, неподлежащіе ему, для него не существуютъ, и успокоивается или даже сочувственно возбуждается, когда открываетъ въ предметахъ стороны ему самому—чувству—сродныя, сочувственныя, нужныя, способныя удовлетворить его. Такимъ образомъ 1) чувство сердца, въ обширномъ смыслѣ понимаемый *эстетическій вкусъ* ищетъ и открываетъ въ предметахъ *прекрасное въ разнообразныхъ его видахъ*; 2) *чувство воли*—совѣсть ищетъ и указываетъ *нравствено-доброе*; а 3) *чувство познавательной силы* ищетъ и открываетъ въ предметахъ *истинное, согласное съ законами мышленія и бытія, дѣйствительно-сущее реальное, соотвѣтствующее въ предметахъ требованіямъ нашего ума—объективное, изключающее всякія несовпаденія объективнаго съ обще-субъективнымъ абсолютное.*

вв) *Объективны ли показанія внутренняго душевнаго чувства?* Есть ли въ объектахъ, внѣ мыслящаго субъекта находящихся, свойства открываемыя этими чувствами? Есть ли внѣ человѣка прекрасное нравственно-благое, истинное? Или эти ощущенія прекраснаго, благаго, истиннаго суть только состоянія происходящія внутри чувствующаго субъекта? Но этотъ вопросъ равняется аналогичному вопросу относительно какъ внѣшняго, такъ и внутренняго органическаго чувствъ: есть ли внѣ чувствующаго субъекта въ объектахъ кислое или горькое, благовонное или зловонное, атласистое или шершавое, дискантовое или басовое, голубое или зеленое, хлѣбное по вкусу или рыбное, жгучее или нѣжащее и т. д.? Обо всѣхъ подобныхъ чисто физическихъ ощущеніяхъ должно сказать, что онѣ суть состоянія, происходящія внутри чувствующаго субъекта; и хотя въ большей части случаевъ онѣ производятся прикасающимися къ чувству предметами, но тѣмъ не менѣе не могутъ быть приписаны въ цѣльномъ своемъ видѣ предметамъ, какъ свойства имъ

присущія независимо отъ чувствующаго субъекта, а напротивъ иногда посредствомъ разсудочнаго анализа можно доказывать, что находимыя чувствомъ въ предметѣ свойства ему рѣшительно не принадлежатъ, напр. звукъ звучащему, цвѣтъ предмету красному, только отражающему солнечный цвѣтъ, гладкость гладкому предмету, который подъ микроскопомъ является изрѣзаннымъ горами и рытвинами, ущеліями и долинами. По этой строго позитивной аналогіи точно также и *о свойствахъ предметовъ, открываемыхъ душевнымъ чувствомъ, справедливо спрашивать не то, есть ли эти свойства въ предметахъ, а то, есть ли внѣ чувствующаго субъекта предметы, возбуждающіе въ немъ опредѣленныя душевныя чувствованія, соотвѣтствующія ощущеніямъ прекраснаго, благостнаго, истиннаго?* На этотъ вопросъ человѣчествомъ уже отвѣчено, что такіе объекты есть. Внѣ меня, во внѣшней природѣ и въ обществѣ человѣческомъ есть предметы, возбуждающіе во мнѣ ощущенія, соотвѣтствующія присущей моему духу идеѣ прекраснаго, благаго, истиннаго. При чемъ *въ объективности этихъ свойствъ—въ существованіи ихъ внѣ меня—я убѣждаюсь:* 1) *совпаденіемъ отраженія названныхъ идей въ явленіяхъ природы и человѣческаго общества съ отраженіемъ ихъ въ моей собственной дѣятельности.* Такъ напримъ. а) если извѣстный предметъ является моему *вкусу* красивымъ въ природѣ, напр. картина вечерней зари, то осуществляя самъ эту идею въ томъ же очертаніи я создамъ живописную или описательную картину вечерней зари; если построенный мною домъ или храмъ кажутся мнѣ грандіозными, то подобное и во внѣшней природѣ представляется мнѣ грандіознымъ, напр. вѣковой раскидистый дубъ, гора, небесный сводъ; б) если моей *совѣсти* чувствуется не хорошо, когда я дерусь на смерть съ своимъ братомъ, а напротивъ хорошо, когда я берегу и защищаю присnаго—ближняго,—то подобное не только въ обществѣ человѣческомъ, но и во внѣшней природѣ, пробизводитъ на меня ощущеніе міроваго зла, когда наприм. два

родственныхъ животныхъ дерутся на смерть, и міроваго добра, когда напр. мать питаетъ и грѣетъ и защищаетъ своихъ дѣтенышей; в) если моему *сознанію* обидно, что я 20 лѣтъ раздѣлялъ съ другими убѣжденіе въ истинности лапласовой и дарвиновой теорій, которыя ниспровергнуты теперь фактически,— то мнѣ также мучительно сознаніе, что сія юная особа ищетъ своего счастія тамъ, гдѣ даже нельзя найти забвенія ожидающаго ее горя, какъ обидно также глядѣть на мечущуюся во время пожара скотину, неудержимо рвущуюся въ пылающій уже хлѣвъ.—2) Въ объективности этихъ свойствъ меня убѣждаетъ *невозможность подвергнуть сомнѣнію посредствомъ разсудочнаго анализа принадлежность этихъ свойствъ предметамъ*, въ которыхъ мое чувство ихъ открываетъ, подобно свойствамъ предметовъ, открываемымъ посредствомъ внутренняго физіологическаго чувства: какъ невозможно доказывать мнѣ вопреки настойчивому свидѣтельству моего физическаго чувства, что извѣстный предметъ утоляетъ мой голодъ и жажду, извѣстный затрудняетъ мое дыханіе, извѣстный жжетъ, также точно абсолютно-невозможно доказать, что данный предметъ въ данную минуту въ данномъ состояніи моего духа не производитъ во мнѣ душевнаго восторга, нравственнаго упокоенія, умственнаго удовлетворенія. Если же и возможно самообольщеніе, въ которомъ мнѣ чувствуется, будто извѣстное душевное ощущеніе происходитъ во мнѣ отъ извѣстнаго предмета, тогда какъ оно происходитъ отъ другаго внѣ или внутри меня находящагося, то подобное же самообольщеніе возможно въ ощущеніяхъ и внутренняго органическаго и внѣшняго чувствъ, и самообольщеніе это можетъ касаться не ощущенія моего самаго въ себѣ, какъ таковаго, а только связи его какъ извѣстнаго явленія или дѣйствія съ тою или другою причиною: чувство мое открываетъ во мнѣ извѣстное явленіе ощущенія, указывая для него и причину извѣстную; здѣсь чувство, какъ чувство, не ошибается,

подобно и внѣшнему чувству, которое въ красномъ предметѣ чувствуетъ источникъ краснаго цвѣта, происходящаго отъ солнца, а ошибается разсудочный анализъ, который, если ему угодно и нужно и возможно, долженъ изыскать другую вѣрную причину несомнѣннаго факта ощущенія, которое приписываетъ извѣстному предмету извѣстное объективное свойство извѣстнымъ образомъ дѣйствовать на чувство субъекта. 3) Если преимущественную предъ свидѣтельствомъ внѣшняго чувства объективность свидѣтельству чувства внутренняго органическаго мы приписываемъ между прочимъ потому, что ощущенія этого чувства имѣютъ господствующій въ себѣ *животно-практическій характеръ*, руководствуясь въ своей дѣятельности задачею разобрать не столько то, что такое вещь сама въ себѣ и для себя, сколько то, что такое вещь для чувствующаго субъекта, приближаясь къ внѣшнимъ чувствамъ вкуса, обонянія и осязанія и отдаляясь отъ чувствъ, имѣющихъ болѣе теоретическій характеръ, слуха и зрѣнія: то тоже преимущество должны мы приписать и душевнымъ ощущеніямъ *эстетическаго вкуса и совѣсти*, изъ коихъ въ первомъ мы нашли преобладаніе, во второй же — равновѣсіе съ теоретическимъ *характера практическаго, направленнаго къ различению въ предметѣ той стороны, что онъ такое не какъ* res in se, *но какъ вещь для чувствующаго субъекта.* При чемъ на этотъ практическій вопросъ и душевное чувство подобно внутреннему органическому должно отвѣчать съ наиболѣе непререкаемою непогрѣшимостію, что данному предмету принадлежитъ свойство дѣйствовать на чувство извѣстнымъ образомъ. Если же при этомъ въ третьей спеціально-познавательной области душевнаго чувства — *сознаніи* преимуществуетъ характеръ *теоретическій* направленный къ разрѣшенію вопроса, что такое res in se: то должно сказать, что вообще душевное чувство имѣетъ наивысшее преимущество предъ чувствами не только внѣшнимъ, но и внутреннимъ органическимъ 4) *въ преимущественной непосредственности соприкосновенія чувствующаго субъекта съ чув-*

ствуемымъ объектомъ. Эта преимущественная непосредственность открывается изъ того, что а) *въ дѣятельности чувства внѣшняго*—отъ двухъ самыхъ важныхъ въ теоретическомъ отношеніи чувствъ зрѣнія и слуха предметы отстоятъ большею частію вдали; — всѣми пятью внѣшними чувствами душа прикасается къ внѣшнему міру только съ внѣшней его стороны, при чемъ чистому отраженію и этой внѣшней стороны въ чувствѣ и сознаніи часто препятствуетъ среда, чрезъ которую предметы дѣйствуютъ на чувство,—при чемъ для болѣе правильнаго и сильнаго дѣйствованія чувства зрѣнія нужны бываютъ телескопы и микроскопы и разнаго рода увеличительныя и уменьшающія зрительныя стекла съ искуственнымъ освѣщеніемъ,—для слуха нужны слуховыя трубы и другіе акустическіе инструменты.—неточность ощущеній осязанія должно поправлять зрѣніемъ, особенно же усиленнымъ зрительными инструментами, такъ что гдѣ палецъ не ощупываетъ да и простой глазъ не видитъ ничего — въ незамѣтной капелькѣ воды глазъ вооруженный открываетъ цѣлыя семейства инфузорій; тупость указаній вкуса и обоняніе должно бываетъ изощрять разными чистительными химическими средствами; для возможнаго проникновенія внутрь чувственной природы ее нужно бываетъ анатомировать, разсѣкать, расчленять, разлагать химически, при чемъ чувство опять таки проникаетъ только до поверхности уже расчлененной природы, которую расчленить до послѣднихъ уже болѣе недѣлимыхъ частей ея до сихъ поръ пока не удалось; при чемъ нашему чувству подлежитъ только безконечно малая часть и этой поверхностной стороны вселенной, когда и на этой пылинкѣ универса — землѣ чувству доступна только поверхность ея, внутренность же глубже нѣсколькихъ сотъ футовъ пребудетъ закрытою навсегда; а поверхъ земли за атмосферною ея оболочкою только чувство зрѣнія ловитъ мелькающую тѣнь исчезающаго въ безпредѣленой дали бытія, для прочихъ же чувствъ вкусы и запахи, температура и уп-

ругость веществъ даже ближайшаго къ намъ небеснаго тѣла луны, гадательно уловляемые только разсудочнымъ анализомъ, пребудутъ неуловимы навсегда, равно какъ и ухо наше никогда не услышитъ гармоніи сферъ небесныхъ, которую душевнымъ слухомъ слышалъ *Пиѳагоръ*. Въ этомъ отношеніи душу не безъ основанія сравнивали съ хозяйкою безъисходно пребывающею въ домѣ—въ тѣлѣ—на землѣ, изъ котораго она соприкасается съ внѣшнимъ міромъ не иначе какъ посредствомъ пяти внѣшнихъ чувствъ, какъ окошекъ въ домѣ, проводовъ и продуховъ: что и какъ прикоснется къ этимъ проводамъ и продухамъ, что и какъ видно изъ этихъ окошекъ, то и такъ и потолику становится доступно сознанію души. А *Платонъ* еще глубже философски сравнивалъ душу съ узницею въ пещерѣ, прикованною цѣпями къ стѣнѣ такъ, что лицемъ она обращена не къ отверстію пещеры, а къ стѣнѣ, при чемъ она видитъ мелькающія на тускло изъ отверстія освѣщаемой стѣнѣ тѣни бытія и по нимъ гадаетъ объ истинно сущемъ. Это глубоко-философское сравненіе совершенно точно не только по отношенію свидѣтельства нашихъ внѣшнихъ чувствъ къ неизмѣннымъ и непостижимымъ сущностямъ бытія—къ идеямъ, но также и по отношенію безпредѣльности бытія къ малости того, что доступно нашему внѣшнему чувству: по мелькающему отраженію несущейся мимо насъ количественной и качественной безпредѣльности бытія въ ничтожно малой сферѣ земной атмосферы, внѣ и мимо которой ничто даже зрѣнію нашему—не говоря о прочихъ внѣшнихъ чувствахъ—недоступно, въ безмѣрно малѣйшей еще сферѣ нашего тѣла съ его чувственными органами узникъ прикованный къ стѣнѣ тускло освѣщенной пещеры, или точнѣе—заключенный въ стеклянный тусклаго матоваго стекла шаръ, или еще точнѣе—въ тѣсную съ тусклыми закоптѣлыми окошечками темницу—мыслящій духъ гадаетъ о дѣйствительномъ бытіи безграничнаго универса.—б) Въ *дѣятельности внутренняго органическаго чувства* оказывается

другая свои невыгодная сторона — при посредственности соприкосновенія съ ощущаемымъ предметомъ особенная *тусклость и слитность* чувственнаго свидѣтельства, такъ что всѣ органическіе процессы, возбуждающіе это чувство, подлежатъ ему только самою незначительною своею долею, и отраженіемъ своимъ въ чувствѣ даютъ—положимъ—самую важную, но количественно весьма скудную долю матеріала для своего опредѣленія въ области разсудочнаго анализа: въ чемъ наприм. состоятъ процессы питанія—пищеваренія, кровотворенія, кровообращенія и выдѣленія изъ крови,—процессы дыханія—окисленія крови кислородомъ—выдѣленія воздушнаго азота и угля крови въ видѣ углекислоты и другихъ частей тѣла въ видѣ испареній кожи,—процессы мускульнаго движенія, плодотворенія, нервнаго ощущенія и т. д., это непосредственному внутреннему ощущенію опредѣлить крайне трудно, можно только весьма немногое, хотя и самое существенное, все же остальное должно опредѣлять по наблюденію посредствомъ внѣшнихъ чувствъ надъ строеніемъ органовъ и совершеніемъ аналогичныхъ процессовъ какъ въ человѣческомъ, такъ и другихъ животныхъ тѣлахъ,—по наблюденію, которое раздвигаетъ область познаній о внутреннихъ органическихъ нашихъ процессахъ безмѣрно далѣе предѣловъ, очертываемыхъ непосредственнымъ внутреннимъ ощущеніемъ. — в) *Въ дѣятельности же чувства душевнаго* эти неудобства чувствъ внѣшняго и внутренняго органическаго не существуютъ: въ этой области *субъектъ чувствующій и объектъ чувствуемый суть единство* — самъ человѣческій духъ съ своими проявленіями и дѣйствіями, силами и законами; если же тутъ предметомъ ощущенія бываетъ проявляющееся и во внѣшнемъ мірѣ, въ природѣ и человѣческомъ обществѣ, то прекрасное, благое и истинное внѣ меня тожественно съ таковымъ же внутри меня, а не тожественное не можетъ для меня существовать: внѣ меня отражающаяся идея чувствуется мною потолику, поколику сливается съ моею

аналогичною идеею. И потому здѣсь никакая среда, никакое разстояніе не отдѣляетъ субъектъ отъ объекта, не затемняетъ, не окрашиваетъ объекта несвойственнымъ ему свѣтомъ: можетъ окрашивать разсудочный анализъ на основаніи ложно понятаго чувства, но не самое чувство; субъектъ насквозь пронизываетъ, въ каждомъ пунктѣ проникаетъ и собственнымъ свѣтомъ озаряетъ чувствуемый объектъ: никакіе вспомогательные увеличивающіе чувствительность инструменты здѣсь абсолютно неумѣстны; никакое анатомированіе или химическое разложеніе, никакое разчлененіе души, возможное для разсудочнаго анализа, для чувства невозможно: возможно развѣ болѣе тщательное и точное чувственное воззрѣніе въ извѣстный, менѣе другихъ освѣщенный сознаніемъ, уголъ души; но и здѣсь это освѣщеніе опять же ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть позаимствовано извнѣ, а должно быть неиначе, какъ изъ тогоже чувства, хотя и можетъ быть усилено особымъ, даже искуственнымъ (какъ напр. въ сомнабулизмѣ) возбужденіемъ чувствъ. Наконецъ если и возможно въ дѣлѣ изученія душевныхъ процессовъ вспоможеніе чувству душевному, со стороны чувствъ внѣшняго и внутренняго физіологическаго, посредствомъ наблюденія надъ отраженіемъ моей собственной души въ моемъ тѣлѣ, равно какъ и надъ проявленіями души въ другихъ людяхъ: то внѣшнее и внутреннее физіологическое чувство во мнѣ самомъ, какъ неотдѣлимое въ дѣйствительности продолженіе единаго моего чувства, настолько помогаетъ въ познаніи души, какъ и во всякомъ другомъ, чувству спеціально душевному, насколько отражается въ общемъ фокусѣ чувствъ—въ сознаніи; а въ наблюденіяхъ надъ проявленіями души другихъ людей помогаетъ настолько, насколько эти проявленія могутъ если не точно-тожественно повториться, то, по закону однородности человѣческихъ душъ, хотя блѣдно отразиться аналогичными ощущеніями въ моемъ собственномъ чувствѣ: безъ этого же отраженія чуждыя

душевныя состоянія были бы абсолютно недоступны и сознанію моему и разсудочному анализу.—Наконецъ сверхъ всего этого внутреннему душевному ощущенію *не помогаетъ никакихъ предъловъ*: отъ центральнаго фокуса внутренняго субъективно-реальнаго міра въ сознаніи, по распростирающимся во всѣ стороны безконечнымъ радіусамъ, душевное чувство не стѣсняясь углубляется до недоступнаго всякому другому чувству центра земли и всякаго атома, пронизываетъ насквозь луну и солнце и звѣзды и туманныя звѣздныя пятна и летитъ за предѣлы міросданія въ идеально-реальную безпредѣльность, съ своимъ непреложнымъ и безконечнымъ математическимъ вычисленіемъ, съ своими непререкаемыми разсудочными котегоріями, съ своими неотступными, неуступающими никакому скептицизму идеями, постулятами, ощущеніями единаго безконечнаго, высокаго, прекраснаго-блаженнаго, благаго-праведнаго-святаго, истиннаго идеально и реально-всевѣдущаго-всепроницающаго-творческаго, неизмѣннаго-перво-источнаго корня и центральнаго фокуса всякаго бытія, абсолютнаго,—смѣло прикладывая законы бытія субъектитнаго къ условіямъ бытія объективнаго и получая при строгомъ мышленіи нерѣдко результаты сколько изумительные, столько же и непреложные, силясь увлечь за собою иногда быстрѣйшее и обширнѣйшее и изъ внѣшнихъ чувствъ—чувство зрѣнія и во многихъ случаяхъ, какъ показалъ прогрессъ науки, не безъ успѣха, такъ что прежде непроглядная для всего человѣчества даль или малость вселенной становилась физически прозрачною, открывая изумленному взору неисчислимые безпредѣльно великіе и безпредѣльно малые міры, оправдывая объективными открытіями идеальныя гаданія и предчувствія души, а что всего цѣннѣе—утверждая вѣру нашей души въ непреложность всѣхъ ея законовъ и основныхъ чаяній.

Такимъ образомъ оказывается, что *по вопросу объективности своего свидѣтельства внутреннее душевное чувство совершенно аналогично съ чувствами какъ внут-*

реннимъ органическимъ, такъ и внѣшнимъ, и въ однихъ отношеніяхъ равнозначительно съ ними, а въ другихъ выше ихъ, выше ихъ уже какъ корень, какъ гнѣздилище, какъ фокусъ всѣхъ отправленій чувства. Разсудочная же повѣрка достовѣрности душевнаго, равно какъ и органическаго внутренняго и внѣшняго чувствъ, возможна не столько въ области объективнаго прикладыванія ощущеній къ предметамъ, сколько въ области обще-субъективнаго признанія, что именно извѣстные предметы имѣютъ свойство производить именно извѣстныя душевныя ощущенія.

гг) Но *есть ли въ показаніяхъ внутренняго душевнаго чувства что-либо обще-субъективное?*—Есть ли что-либо общепризнанное 1) *въ сферѣ эстетическаго вкуса, въ области ощущеній собственно сердца?* Есть, что доказывается существованіемъ въ родѣ человѣческомъ обще-признанныхъ идеаловъ прекраснаго—высокаго—дивнаго, осуществленныхъ и осуществляемыхъ въ архитектурѣ, пластикѣ, живописи, поэзіи, вообще въ словѣ, въ снарядѣ всякихъ житейскихъ удобствъ, въ устроеніи общественнаго и въ общемъ частнаго человѣческаго счастія, въ культурномъ эстетическомъ развитіи частныхъ лицъ и народовъ и всего человѣчества, въ религіозномъ культѣ и религіозныхъ учрежденіяхъ—цѣлыхъ церквахъ и особыхъ съ возвышеннѣйшими цѣлями и характерами религіозныхъ общинахъ,—существованіемъ обще-признанныхъ идеаловъ прекраснаго, величественнаго, высокаго, цѣлесообразнаго, приспособленнаго къ обще-человѣческому счастію, созерцаемыхъ въ извѣстныхъ опредѣленныхъ явленіяхъ внѣшней природы,—наконецъ существованіемъ обще-признанныхъ идеаловъ божественно-прекраснаго, всесовершеннаго, безконечно-блаженнаго, вседовольнаго, безболѣзненнаго, безмятежнаго, безпечальнаго, безсмертнаго, вѣчнаго, всѣмъ человѣчествомъ чаемыхъ отъ жизни загробной.—2) Есть ли что-либо обще-признанное *въ сферѣ ощущеній, испытываемыхъ человѣческою совѣстью?* Есть больше, чѣмъ въ какой-либо

другой сферѣ, или по крайней мѣрѣ—столько же, что доказывается основнымъ единствомъ обще-человѣческой морали, поразительнымъ сходствомъ основъ нравоученія и законодательства во всѣ вѣка и у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, — общимъ непререкаемымъ признаніемъ высоко-нравственныхъ идеаловъ, какова напр. истинно Бого-человѣческая жизнь Искупителя человѣческаго рода, и другихъ менѣе совершенныхъ идеаловъ праведника, подвижника, безстраснаго, нестяжательнаго, милосердаго, самоотверженнаго, любвеобильнаго, героя, патріота, гуманнаго, честнаго, рыцаря безъ страха и упрека, истиннаго философа—мудреца, не смотря на различіе національныхъ въ этихъ идеалахъ и вѣроисповѣдныхъ оттѣнкахъ, будь это Сократъ или Наѳанъ мудрецъ, Саладинъ или Баярдъ, Конфуцій или Вашингтонъ, Галилей или Ньютонъ,— наконецъ всеобщимъ возношеніемъ общечеловѣческаго духа къ премірному небесному идеалу всесовершеннаго, всеправеднаго, всеблагаго, безконечнаго милосердія, безпредѣльной любви. 3) *Есть ли наконецъ что-либо обще-признанное въ сферѣ сознанія!*—Да все, что обще-признано человѣчествомъ за истинное въ сферѣ всѣхъ трехъ чувствъ, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, внутренняго какъ низшаго физіологическаго, такъ и высшаго душевнаго, потому что признаніе самаго конкретнаго простѣйшаго чувственнаго представленія за истинное составляется, положимъ, при помощи чувства внѣшняго, но не иначе какъ въ сферѣ чувства высшаго душевнаго—въ сознаніи. Но *есть ли что-либо обще-признанное за истинное въ сферѣ именно этого высшаго душевнаго чувства, въ признаніи чего за таковое чувства низшія принимали бы наименьше или даже нимало участія?*

Здѣсь нужно коснуться спора между реалистами и идеалистами, метафизиками и позитивистами о такъ называемой *априорности понятій, прирожденности идей, о способности* человѣческаго ума имѣть и пріобрѣтать *трансцендентныя независимыя отъ внѣшняго*

опыта познанія. Споръ старый, какъ старо въ человѣчествѣ начало философствующей мысли и даже до днесь неоконченный, явный знакъ, что—и безплодный. *Сократу*, *Платону* казалось, что основныя понятія—идеи мы приносимъ съ неба въ высшей части человѣческой души, вселяемой въ вещественное тѣло; а *Аристотелю* уже приписывается, хотя и ложно, ученіе о tabula rasa и положеніе: nihil est in intelectu, quod non fuerit in sensu. Зная это, какъ и всю предшествующую философію, *Канть* допускалъ апріорныя понятія; позитивисты же ихъ отрицаютъ, утверждая, что даже *математическія понятія* человѣкъ пріобрѣтаетъ изъ опыта,—даже *высшія категоріи*, напр. категорію *причинности*, отвлекаетъ отъ внѣшнихъ явленій,—не говоря уже объ *идеяхъ*, которыя въ нѣкоторыхъ развитыхъ людяхъ суть продуктъ долгаго культурнаго развитія всего человѣчества, а въ большинствѣ человѣческаго рода вовсе не существуютъ,—что однимъ словомъ *никакихъ прирожденныхъ идей или понятій въ душѣ человѣка нѣтъ.* Весь этотъ старый безконечный споръ ведется съ той и другой стороны не отъ недостатка эрудиціи, наблюденій данныхъ опыта, но отъ различнаго толкованія непосредственныхъ данныхъ опыта, многочисленныхъ сдѣланныхъ надъ познавательною силою непосредственныхъ наблюденій. Но такъ какъ здѣсь различно толкуются самыя непосредственныя опытныя воззрѣнія, то намъ съ надеждою на безусловную побѣду продолжать этотъ споръ, эту и безъ того безконечную серію опроверженій и доказательствъ, не приходится; а остается только стать подъ то или другое или третье знамя, по непосредственному влеченію нашего личнаго сочувствія, что мы и сдѣлаемъ. Итакъ наше сочувствіе клонитъ насъ *пройти срединою между крайними идеалистами и позитивистами*, не отнимая у насъ однакоже надежды, что мы и здѣсь останемся на строго позитивной почвѣ. *Есть ли врожденныя представленія у животныхъ?* Вотъ этотъ цыпленокъ, вылупившійся изъ

яйца безъ матери, всматривается пристально въ раскрошенныя предъ его носомъ печоныя яйца, въ ползающую предъ его носомъ муху, или мелкаго пруса,— и вдругъ у него раждается представленіе, что ихъ можно съѣсть, тогда какъ ничто несъѣдобное, очевидно, не возбуждаетъ въ немъ подобной идеи; въ первый разъ выпускаютъ его на дворъ и, увидѣвъ соръ, онъ очевидно комбинируетъ въ своей головѣ представленіе, что этотъ соръ можно рыть ногами, что тамъ окажется червякъ, котораго можно будетъ съѣсть, котораго онъ дѣйствительно и отыскиваетъ и съѣдаетъ, тогда какъ о самомъ сорѣ онъ очевидно знаетъ, что глотать его не слѣдуетъ. Сія ласточка, оторванная отъ родителей, отъ гнѣзда, осенью безъ всякаго наученія комбинируетъ идею, что надо улетѣть на югъ и летитъ по прямой линіи меридіана къ экватору, а весною по тойже прямой линіи возвращается не въ иное мѣсто, какъ именно въ Казань. На основаніи безчисленнаго ряда подобныхъ фактовъ мы своимъ сочувствіемъ располагаемся утверждать, что животнымъ почти всѣ ихъ представленія прирождены, каковыя при благопріятствующихъ данныхъ, непремѣнно и совершенно правильно, у нихъ и развиваются до извѣстной указанной природою грани. *Есть ли прирожденныя идеи у растеній?* Сія груша, своевременно на одномъ сучкѣ привитая отросткомъ отъ другой хорошо во многихъ поколѣніяхъ воспитанной груши, даетъ въ благопріятный годъ съ привитаго сучка груши добраго качества, а съ непривитаго груши же, но дикаго качества, во всякомъ же случаѣ никакъ не капусту; а въ другой неблагопріятный годъ она не даетъ ни того ни другаго; но сія вотъ груша выросла отъ неблагопріятныхъ объстоятельствъ совершенно безплодною. На основаніи безчисленнаго ряда под. фактовъ мое сочувствіе нудитъ меня утверждать, что грушѣ прирожденъ законъ, вложена въ ея природу предначертанная высшимъ творческимъ разумомъ идея производить по роду своему, конечно—безсознательно,

именно груши, а не капусту, и культированной грушѣ—груши добраго качества, а дикой—дикія груши; но таже самая по роду груша при неблагопріятствующихъ обстоятельствахъ не приноситъ своихъ плодовъ, не смотря на лежащій въ ея природѣ законъ, на прирожденную ей творческую идею приносить плодъ по роду своему. *Въ этомъ же смыслѣ наше сочувствіе побуждаетъ насъ признать многое прирожденнымъ и человѣку.* Развѣ человѣкъ не есть существо органическое—растеніе—животное? На это и самый строгій позитивизмъ отвѣчаетъ, что есть. Развѣ нѣтъ въ природѣ человѣка предначертанныхъ Зиждителемъ природы идей, которыя человѣкъ осуществляетъ въ жизни то безсознательно, какъ груша, то полусознательно, какъ цыпленокъ или ласточка, то сознательно, какъ существо высшее всѣхъ существъ видимой природы—существо разумное? Безсознательно въ подробностяхъ развитія осуществляетъ онъ законъ или прирожденную идею плодоприношенія по роду своему подобно грушѣ и другіе подобные,—съ чѣмъ и позитивизмъ не можетъ не согласиться. Сначала безсознательно, а потомъ полусознательно ребенокъ,—что очевидно и для позитивиста,—носитъ прирожденную себѣ творческую идею питательной матерней груди, которую съ великою прирожденною ловкостію и эксплуатируетъ въ пользу продолженія своей жизни, а если бы дали ему въ ротъ что-либо непитательное, онъ кричитъ, выражая ощущеніе неудовольствія, что ему даютъ не то, что слѣдуетъ. И подобныхъ инстинктовъ у человѣка немало. Безсознательно, полу-безсознательно и наконецъ сознательно человѣкъ носитъ въ своей природѣ и осуществляетъ въ жизни *прирожденные ему законы и формы мышленія*, относительно которыхъ питаетъ прирожденную себѣ вѣру, что они, при правильномъ приложеніи, непремѣнно должны совпадать съ природными законами и формами объективнаго бытія; прилагая же одни къ другимъ—первые къ послѣднимъ по прирожденному себѣ стимулу развивать свое по-

знаніе, подобно прирожденному ласточкѣ стимулу вить гнѣздо, воздвигаетъ въ себѣ громадное зданіе субъективнаго сотвѣтствующаго объективному бытію міра, въ основу и расчлененіе котораго, какъ черты основнаго плана, кладутся наиболѣе общія схемы понятій—категоріи разсудка, когда въ тоже время животворящею душою, основнымъ стимуломъ и верховною цѣлію является въ этомъ умственномъ мірѣ *идея безконечно-истиннаго и вообще безконечно-совершеннаго.* Ясно, что въ этомъ строеніи умственнаго нашего міра есть и прирожденное и благопріобрѣтенное изъ опыта; неразрѣшимое же затрудненіе заключается только въ томъ, какъ отличить одно отъ другаго. Пускаясь за разрѣшеніемъ этого неразрѣшимаго затрудненія въ частности, позитивисты утверждаютъ, что и *математическія понятія не суть апріорныя понятія,*— что и онѣ извлекаются не чисто изъ природы человѣческаго ума, а непремѣнно изъ внѣшняго опыта; съ чѣмъ и мы согласны, но только на половину, полагая, что *эти понятія* по единству и совпаденію законовъ природы и ума *суть апріорныя и апостеріорныя*, въ чемъ т. е. въ ихъ наполовину апріорности мы убѣждаемся тѣмъ, что человѣкъ, въ исторіи развитія своего ума, настроилъ много математическихъ совершенно непогрѣшимыхъ комбинацій, которыя взялъ чисто изъ своего ума, какъ въ свою пору доказывали еще *Сократъ* и *Платонъ*, — изъ гипотетическаго склада умственныхъ предгаданій, которыя только уже впослѣдствіи и часто не вдругъ блистательно оправдались въ приложеніи и къ опыту. *Льюису* и другимъ позитивистамъ угодно производить математическія понятія изъ опыта потому, что человѣкъ научается считать: два — три — четыре, 375 и 375 по сложеніи 750, а не 740; извѣстному же *Кантомъ* доказанному положенію, что всѣ безъ исключенія математическія, разумѣется—правильныя положенія всеобщи и безусловно категоричны, позитивисты противопоставляютъ положеніе, что всякая и опытная ис-

тина, наприм. истина, что огонь жжетъ человѣческое тѣло, всеобща и категорична также, какъ и математическая. А намъ представляется, что Кантово положеніе позитивными соображеніями не опровергнуто. Это видно изъ того, что не только простыя и ясныя сами по себѣ математическія положенія, но и самые тонкіе и сложные математическіе выводы, какъ тѣ, какіе уже сдѣланы человѣчествомъ до настоящаго времени, такъ и тѣ, какіе еще будутъ когда-либо вновь сдѣланы, если только были и будутъ сдѣланы по логическимъ законамъ математически-правильно, были и будутъ безусловно всеобщи всегда и вездѣ; тогда какъ объ опытныхъ наиболѣе всеобщихъ положеніяхъ *Кантъ* утверждалъ, что въ отношеніи къ нимъ всегда мыслится возможность исключеній. И это совершенно основательно. Возмемъ одно изъ наиболѣе всеобщихъ опытныхъ положеній, что огонь жжетъ человѣческое тѣло, а вода топитъ, какъ и воздухъ не держитъ. Тѣмъ не менѣе здѣсь возможны тысячи исключеній въ отношеніяхъ нашего чувства и вообще существа къ предметамъ. Всегда ли огонь жегъ человѣческое тѣло, всегда ли будетъ жечь? Всегда ли у всѣхъ людей ощущеніе жженія было, есть и будетъ тожественно? Ощущеніе жженія есть ощущеніе прикосновенія высокой температуры къ человѣческому тѣлу. Но всегда ли, у всѣхъ ли людей тѣло относилось, относится и будетъ относиться къ степенямъ температуры одинаковымъ образомъ? Извѣстно, что это и прежде бывало, и теперь бываетъ не всегда. Негръ выноситъ свой тропическій жаръ, въ которомъ лапландецъ растаялъ бы, а лапландецъ выноситъ холодъ полюсовъ, въ которомъ негръ замерзъ бы. Ощущеніе температуры извѣстнымъ образомъ относится къ температурѣ крови; но температура крови у всѣхъ ли людей была, есть и будетъ одинакова? Теперь, извѣстно, она неодинакова, хотя разность эта и незначительна, колеблясь между извѣстными, высшимъ и низшимъ, градусами средней температуры. Но позитивис-

ты, утверждая чуть не вѣчное существованіе человѣческаго рода, по крайней мѣрѣ современность его съ мамонтами, въ тоже время утверждаютъ, что на землѣ были періоды и высокаго тропическаго жара и такъ называемый ледяной: ужели же въ оба эти періода,—продолжительностъ которыхъ позитивисты опредѣляютъ по меньшей мѣрѣ—десятками тысячь лѣтъ,—люди или вообще—животныя и температуру крови имѣли всегда одинаковую и относились своимъ ощущеніемъ къ температурѣ внѣшней совершенно одинаково? Ужели вообще на всемъ пространствѣ бытія органическаго — животнаго и человѣческаго царствъ всегда отношеніе животнаго—человѣческаго чувства къ свойствамъ вещей было не только равнокачественно, но и равномѣрно? Вѣдь *Дарвинъ* и по принципамъ и по методу изслѣдованія хочетъ же быть позитивистомъ, и позитивисты преклоняются же предъ его авторитетомъ. Но если такъ, то ужели сотни тысячь лѣтъ тому назадъ, когда по Дарвину природа только еще приспособлялась сдѣлать только первую завязь нервной системы, и тогда уже первые зачатки человѣческаго организма также относились своимъ чувствомъ къ свойствамъ предметовъ, какъ вполнѣ развитые человѣческіе нервы относятся теперь? Да на этотъ вопросъ впрочемъ, не ходя такъ далеко за сотни вѣковъ назадъ, приблизительный отвѣтъ мы можемъ получить и изъ современнаго намъ опыта: растенія въ огнѣ горятъ, но не чувствуютъ жженія; подобнымъ же образомъ и человѣкъ, если существовалъ на свѣтѣ когда-либо съ крайне слабо развитою нервною системою (1), безъ сомнѣнія имѣлъ слабѣйшую воспріимчивость въ отношеніи къ вліяніямъ внѣшней природы сравнительно съ воспріимчивостію нервовъ въ настоящемъ состояніи. А дважды два четыре было аксіомою, какъ и всѣ математическія положенія непреложными категорическими

(1) Все подобное говоримъ ad hominem.

положеніями были и тогда, въ тѣ періоды, и будутъ таковыми же всегда, даже въ тотъ чаемый позитивистами золотой вѣкъ, когда организмъ человѣческій такъ утончится, что станетъ далеко выше настоящаго вреднаго вліянія стихій, когда и огонь не станетъ такъ жечь и вода, напротивъ, какъ и воздухъ станутъ носить на себѣ паровидное, свѣтовое человѣческое тѣло.—Крайнимъ позитивистамъ хотѣлось бы также, *чтобы* всѣ такъ называемыя *категоріи человѣкъ производилъ также изъ опыта*,—чтобы напримѣръ *категоріи причинности и цѣлесообразности* опытно пріучался извлекать изъ простѣйшаго природнаго явленія — *простой послѣдовательности явленій одного послѣ другаго*, которыя безпрерывнымъ своимъ послѣдовательнымъ учащеніемъ пріучаютъ человѣка впадать въ обольщеніе, будто нѣкоторыя явленія вытекаютъ не только *послѣ другихъ*, но именно *изъ другихъ* и *для другихъ* явленій. Мы же опять склоняемся нашимъ сочувствіемъ приписывать и категоріямъ нѣкоторую долю прирожденности потому, что не смотря наприм. на такую простую очевидность — постоянной *послѣдовательности* нѣкоторыхъ явленій *одного за другимъ*, человѣкъ не можетъ отрѣшиться отъ стимула искать именно *причинной и цѣлесообразной связи* явленій—происхожденія *одного изъ другаго и для другаго;* тѣмъ болѣе, что дѣйствительно, тогда какъ нѣкоторыя явленія вынуждаютъ его усматривать между ними связь только *послѣдовательности*, другія вынуждаютъ, именно вынуждаютъ видѣть между ними связь *не только послѣдовательности, но и причинности и цѣлесообразности:* наприм. птица свила гнѣздо подъ окномъ дома и домъ загорѣлся,—здѣсь только послѣдовательность; птица свила гнѣздо и снесла яйцо и вывела птенца,—здѣсь и причинность и цѣлесообразность;—еще тѣмъ болѣе, что послѣ безплодныхъ усилій въ безчисленныхъ случаяхъ связать явленія нитью причинности и цѣлесообразности, человѣкъ не смотря на это испоконъ вѣка силится связать нитью разум-

ности все міросозерцаніе и міробытіе, въ чемъ успѣть когда-либо и не отчаявается.—Касаясь существованія въ нашемъ сознаніи *идеи безконечно-истиннаго* и вообще *безконечно-совершеннаго*, позитивисты желали бы, чтобы эти идеи были не болѣе, какъ безсодержательнымъ отвлеченіемъ отъ конечнаго и въ той силѣ, какъ это угодно идеалистамъ, чтобы вовсе не существовали, будучи представленіями чисто отрицательными, т. е. будто бы мы можемъ имѣть представленія только о конечно-великомъ и большемъ и большемъ безъ конца, но всегда и исключительно только о конечномъ, о безконечномъ же представленія никакого. Но наше сочувствіе клонитъ насъ въ самой сущности этого возраженія видѣть его логическое ниспроверженіе и подтвержденіе нашего убѣжденія *въ прирожденности идеи безконечнаго, въ возникновеніи ея именно изъ нѣдръ человѣческаго духа, а не изъ отвлеченія отъ опытныхъ наблюденій надъ природою:* въ этомъ убѣждаемся мы соображеніемъ, что дѣйствительно, мысля ли безконечное въ его цѣлостности, разчленяя ли его на частнѣйшія понятія *безконечно-истиннаго*, *безконечно-добраго*, *безконечно-прекраснаго*, мы получаемъ представленія только большаго и большаго, высшаго и высшаго, совершеннѣйшаго и совершеннѣйшаго, но не безконечнаго, т. е. представленія, въ актѣ самаго мышленія, а не слововыраженія, *отрицательныя небезконечныя;* однакоже при всемъ томъ въ актѣ составленія такихъ отрицательныхъ представленій большаго и большаго, а не безконечнаго, мы въ каждый моментъ остановки полета нашей мысли въ разностороннюю безпредѣльность сравниваемъ пройденное великое небезконечное съ непройденнымъ безконечнымъ и *положительно усматриваемъ*, что пройденное еще не безконечно, а не пройденное впереди еще также велико, какъ будто мы и не начинали идти, т. е. безконечно. Имѣемъ ли мы послѣ этого *положительное представленіе о безконечномъ?* Очевидно, имѣемъ, — хотя очевидно и то, что вошедшее въ предѣлы нашего пред-

ставленія, несмотря на всю свою громадность, которую мы можемъ увеличивать безъ конца, небезпредѣльно. Сію коллизію повидимому несовмѣстимыхъ противорѣчій философы издревле мирили въ человѣческомъ сознаніи тѣмъ, что отдѣляли разсудокъ отъ разума и за тѣмъ отличали *разсудочное понятіе о безконечномъ отъ разумной идеи безконечнаго*, считая первое разсудочное отрицательное понятіе отвлеченіемъ отъ опытнаго наблюденія надъ великими и высокими предметами, *а разумную идею прирожденною человѣческому разуму.* И дѣлали это не безъ основанія, такъ какъ несомнѣнно существующую въ разумѣ положительную идею безконечнаго изъ ограниченнаго во всѣхъ отношеніяхъ предѣлами опытнаго міра отвлечь никакимъ образомъ невозможно: хотя въ тоже время учили и всячески доказывали, что безконечное и конечное неразрывно связаны какъ въ мышленіи, такъ и въ бытіи, что безконечное становится доступнымъ сознанію чрезъ отрицаніе себя—постановленіе себѣ предѣла—ограниченіе,—что такимъ образомъ чрезъ отрицаніе абсолюта—ограниченіе абсолютнаго бытія абсолютнымъ небытіемъ—соприкосновеніе безконечнаго съ своимъ ограниченіемъ—умноженіе безконечнаго на ничто происходитъ бытіе ограниченное., что въ самой крайней глубинѣ человѣческаго мышленія подтверждается въ нѣкоторомъ родѣ математически аксіоматическимъ, хотя и непостижимымъ положеніемъ, что какъ $\frac{1}{\infty} = 0$, такъ и $\infty . 0 = 1$, и опять $\frac{1}{0} = \infty$; что однимъ словомъ и безконечное становится доступнымъ сознанію чрезъ отрицаніе себя—чрезъ конечное, и конечное становится бытнымъ, а слѣдовательно и сознанію доступнымъ не иначе какъ чрезъ тоже отрицаніе—ограниченіе безконечнаго, какъ учили *древніе неоплатоники*, а изъ новѣйшихъ *Яковъ Бемъ, Фихте Шеллингъ, Гегель* и разныя древнія религіозныя философемы.—Въ томъ же направленіи на подобныхъ же основаніяхъ философы и всякіе высшіе мыслители учили, что идея *высшаго*

блага есть премірная идея, что человѣкъ природою, а не навыкомъ научается цѣнить изящное, не навыкомъ научается приходить въ восторгъ при видѣ ночнаго яснаго неба, или прекраснаго весенняго утра, которымъ очевидно восторженно сочувствуютъ и безсмысленныя животныя,—что отъ высокой музыки можетъ придти въ восхищеніе развитый человѣкъ, который прежде не слыхалъ никакой музыки, — что гласъ совѣсти есть гласъ Божій, — что глаголъ Божій близокъ природѣ человѣка, во устахъ его и сердцѣ его,— что нравственный законъ начертанъ въ сердцахъ людей,—что нѣкоторыя сочувственныя намъ проявленія міроваго добра возникаютъ и изъ животной природы, гдѣ все неискалѣченное искусственнымъ вліяніемъ человѣка прирождено: такъ видимъ, что и животнымъ убійство однородныхъ противоестественно, напротивъ естественно защищать другъ друга въ опасности, естественно питать и беречь дѣтей; въ значительной части животныхъ родовъ естественно цѣломудріе—парность и вѣрность половъ, при чемъ рѣзко проявляющаяся ревность мужскаго пола безсознательно знаетъ физіологическій законъ, что безразборное смѣшеніе другаго пола вредитъ не только крѣпости, но и чистотѣ прокреаціи,—что смѣшеніе двухъ половъ есть совокупленіе въ единство существенно-важное не только для взаимнаго вліянія другъ на друга двухъ особей мужеской и женской, но и для продолженія рода, какъ показываютъ зоологическіе факты, что самка, имѣвшая первый плодъ отъ одного вида, а потомъ понесшая отъ другаго вида, раждаетъ и второй плодъ иногда съ рѣзкимъ отраженіемъ перваго вида, что̀ можно объяснить не иначе, какъ существеннымъ вліяніемъ перваго мужскаго вида на самую природу женскаго, чѣмъ даже въ царствѣ животныхъ подтверждается и выясняется божественное слово, изреченное относительно людей: *будета два въ плоть едину*, *Богъ сочета*, — со всѣми относящимися сюда предписаніями божественнаго закона, имѣющаго очевидно, вопреки тенденці-

ямъ современнаго позитивизма, свою основу въ природѣ вещей; равно какъ очевидно въ природѣ же человѣка лежатъ заповѣди почитать родителей, не убивать и не обижать ближнихъ, заповѣди относительно умѣренности и обузданія страстей и т. д., со всѣми относящимися сюда развѣтвленіями нравственнаго закона.

Теперь разлагая общій выводъ, который мы считаемъ достаточно позитивно обоснованнымъ, изъ всего этого разсужденія *о прирожденности высшему душевному чувству человѣка и вытекающей оттуда общесубъективности высшихъ идей, понятій* и т. п., на элементы, мы усматриваемъ въ нихъ слѣдующія частнѣйшія положенія: А) какъ въ природѣ растеній есть прирожденныя творческія идеи или законы, выполняемые ими въ своемъ развитіи безсознательно,—какъ въ природѣ животныхъ есть подобныя же прирожденныя творческія идеи или законы, выполняемые ими въ своей жизни полу-безсознательно: такъ и въ природѣ человѣка есть прирожденныя идеи, выполняемыя имъ то безсознательно, то полу-сознательно, то вполнѣ сознательно. Б) Прирождены человѣку коренные законы и формы мышленія, высшія понятія—категоріи разсудка и высшія основныя идеи разума. В) Прирожденность ручается и за всеобщность ихъ, т. е. не только за существованіе ихъ во всѣхъ людяхъ, но и за общеобязательность ихъ для всѣхъ людей. Несуществованіе ихъ, напримѣръ идеи безконечнаго или сложныхъ математическихъ понятій, необязательность ихъ, напримѣръ законовъ мышленія, у и для нѣкоторыхъ людей, напримѣръ простецовъ и дикарей, доказывается у новѣйшихъ позитивистовъ такими поверхностными и ребяческими соображеніями, которыя не только послѣ *Канта*, но и послѣ *Платона и Аристотеля* повторять стыдно безъ опасенія повергнуть серьезную мысль въ опасеніе, что умъ человѣческій, какъ расплывающаяся вода, ширясь испаряется и мельчаетъ: тогда какъ существованіе идеи безконечнаго у самыхъ неученыхъ людей

доказывается невольнымъ паренiемъ мысли даже дѣтской далеко—далеко, высоко—высоко безконца,—доказывается строенiемъ безмѣрно разнообразныхъ воздушныхъ замковъ, къ которому способенъ всякiй дикарь, — доказывается безграничною туманностiю миѳовъ всѣхъ самыхъ дѣтскихъ народовъ, туманностiю упирающеюся въ безпредѣльныя идеи хаоса, Кроноса, Паркъ, Рока, Судьбы, Нирваны, Будды, китайскаго неба и т. д.; тогда какъ *Кантъ* доказалъ трансцендентную категоричность, безусловную общеобязательность для ума человѣческаго не только законовъ и правильныхъ формъ мышленiя, что извѣстно еще со временъ *Аристотеля*, но и безконечнаго ряда математическихъ понятiй, все равно—ясно ли онѣ представляются сознанiю извѣстнаго человѣка, или неясно: выясненныя, онѣ безусловно обязываютъ человѣческiй разсудокъ, и что всего важнѣе—категорически исключая всякiя исключенiя. Г) Вообще можно рѣшительно сказать, что *если бы прирожденные законы и формы мышленiя, основныя категорiи разсудка и высшiя идеи разума не были общеобязательны для человѣчества,—то тогда ничего въ нашемъ умѣ не было бы общеобязательнаго*, *никакою* Stand-Punct-а *для установки обще-человѣческой мысли*, *никакой надежды найти общепризнанную истину.* Д) Будучи же обще-обязательны прирожденые законы и формы мышленiя, коренныя категорiи и идеи, хотя въ цѣлое зданiе умственнаго мiра развиваются при помощи и внѣшняго и внутренняго физiологическаго чувства, но сами въ своемъ бытiи и проявленiяхъ обнаруживаются главнымъ образомъ, если только не исключительно, внутреннему душевному чувству, равно какъ *тому-же чувству подлежитъ и самый субстратъ* не только всякаго, внѣшняго и внутренняго чувства, но и всѣхъ душевныхъ силъ и свойствъ и законовъ и внутренняго идеальнаго содержанiя, т. е. *человѣческая душа.* Е) Не предрѣшая здѣсь вопроса, что такое человѣческая душа, есть ли особое субстанцiальное существо — самостоятельный субст-

ратъ и носитель душевныхъ дѣятельностей и состояній, или только конгрегатъ душевныхъ явленій, субстанціальное сѣдалище которыхъ есть не иное что, какъ человѣческій организмъ, но ставя только вопросъ, *какимъ чувствомъ душа чувствуетъ себя — высшимъ ли душевнымъ, или внутреннимъ органическимъ или даже внѣшнимъ*, скажемъ положительно, стоя на позитивной точкѣ зрѣнія, что душа чувствуетъ себя и *внѣшнимъ чувствомъ*, поколику она же — душа видитъ, слышитъ, осязаетъ, обоняетъ и различаетъ вкусы, и *внутреннимъ органическимъ*, поколику она же ощущаетъ и голодъ и жажду, потребности дыханія и движенія, здоровье и боль и прочія органическія состоянія; но какъ сила сознающая, самосознающая, мыслящая, нравственно-дѣятельная, эстетически-чувствующая, душа чувствуетъ себя безспорно *внутреннимъ высшимъ душевнымъ чувствомъ*. Слѣдовательно, есть безспорно цѣлая и громадная *область мыслимыхъ предметовъ, подлежащая то главнымъ образомъ, то исключительно высшему душевному чувству, и въ этой области не только есть весьма много обще-признаннаго всѣмъ человѣчествомъ за истину, но здѣсь покоится послѣднее основаніе того, почему что-либо признается человѣчествомъ за истинное.*

III) Чтобы теперь освѣтить *отношеніе высшаго душевнаго чувства къ низшимъ*, внутреннему органическому и внѣшнему, и чтобы показать общеобязательную и общесубъективную достовѣрность показаній перваго, должно сказать, что а) не внѣшнее и не внутреннее низшее чувство есть носитель высшаго душевнаго, а наоборотъ высшее душевное — носитель низшихъ чувствъ. Это открывается изъ того физіологическаго факта, что какъ внѣшнее, такъ и внутреннее физіологическое чувство чувствуетъ не органами, въ которыхъ повидимому сосредоточивается чувствительность, не глазомъ свѣтлое, не пальцами шершавое, не желудкомъ голодъ, даже не сердцемъ радость или печаль, а центральнымъ чувствилищемъ—мозгомъ:

это доказывается тѣмъ, что когда у животныхъ срѣзывается извѣстная часть мозга, то въ животномъ прекращается всякое ощущеніе и сознаніе, хотя на нѣкоторое время и остается еще жизнь, т. е. кровообращеніе и движеніе организма. Эти опыты показываютъ не только то, что сѣдалище чувствительности находится въ мозгу, но и то, что чувство и сознаніе суть единство, что *сознаніе есть чувство и чувство—сознаніе*,—что какъ чувствительные нервы концентрируются въ мозгу, безъ котораго не могутъ исполнять надлежащихъ отправленій, такъ и разнородныя чувства тѣла концентрируются въ сознаніи, безъ котораго перестаютъ быть чувствами, тогда какъ сознаніе безъ многихъ, если не безъ всѣхъ чувствъ, продолжаетъ еще быть сознаніемъ, что подтверждается состояніемъ летаргіи, сомнамбулизма, лунатизма, глубокой задумчивости и т. п.—б) что даже низшія чувства, внѣшнее и внутреннее органическое, болѣе суть душевныя чувства, чѣмъ органическія: такъ какъ всѣ они показываютъ не столько, даже крайне мало то, какой при извѣстномъ ощущеніи происходитъ процессъ въ организмѣ (какъ наприм. при зрѣніи преломляется и отражается видимый лучь въ глазу, при ощущеніи вкуса какъ элементы вкушаемаго химически разлагаются и соединяются съ соками языка, при насыщеніи—какъ пища соединяется съ соками желудка и т. д.), сколько то, какъ извѣстное ощущеніе и воспринимаемое имъ свойство предмета отражаются въ высшемъ душевномъ чувствѣ, которое въ свою очередь, имѣя своимъ непосредственнымъ органомъ центральное чувствилище—мозгъ, вовсе не интересуется происходящими въ немъ при душевной дѣятельности процессами, даже не особенно способно чувствовать ихъ безконечное разнообразіе, кромѣ развѣ общаго ощущенія возбужденія мозга при началѣ работы пріятной и утомленія при концѣ работы долгой, процессы же собственно душевные, при всемъ безконечномъ разнообразіи и безпрерывной текучести отправленій мышленія, желанія,

чувствованія, проникаетъ всѣ насквозь, обзирая ихъ всесторонне и въ безпредѣльной дробности и въ общихъ схемахъ и въ господствующихъ характерахъ, служащихъ основаніемъ къ различенію въ душѣ главныхъ способностей, и въ основныхъ законахъ и главныхъ цѣляхъ каждой изъ этихъ силъ, какъ-бы внутреннимъ душевнымъ зрѣніемъ. в) Отсюда явствуетъ, *что сознаніе или вообще внутреннее душевное чувство есть совершенно аналогичное внѣшнему внутреннее зрѣніе или вообще чувство. и въ тоже время корень и центръ и душа всѣхъ низшихъ чувствъ, и производимое имъ ощущеніе есть въ собственномъ смыслѣ ощущеніе, воззрѣніе есть чувственное возрѣніе, наблюденіе есть чувственное непосредственное наблюденіе, а разсудочно скомбинированная совокупность этихъ наблюденій есть внутренній душевный психологическій опытъ. И все, что открывается этимъ внутреннимъ опытомъ, имѣетъ по меньшей мѣрѣ столько же общесубъективнаго, равно какъ и объективнаго значенія, сколько принадлежитъ его и низшему чувственному внутреннему органическому и внѣшнему опыту; даже нѣтъ, не столько же, а болѣе значенія.*

Подведемъ здѣсь нѣсколько итоговъ всему вышесказанному *о сравнительномъ значеніи свидѣтельствъ чувствъ внѣшняго и внутренняго, низшаго органическаго и высшаго душевнаго; проведемъ между ними нѣсколько параллелей.* 1) Что внутреннее душевное чувство можетъ открывать въ предметахъ объективныя свойства, въ этомъ мы убѣждаемся невозможностію подвергнуть, посредствомъ разсудочнаго анализа, сомнѣнію принадлежность свойствъ предметамъ, въ которыхъ наше душевное чувство ихъ открываетъ, подобно свойствамъ предметовъ, открываемымъ посредствомъ внутренняго физіологическаго чувства: тогда какъ относительно свидѣтельствъ внѣшняго чувства эта возможность есть даже тогда, когда оно дѣйствуетъ совершенно нормально. Это преимущество внутренняго душевнаго чувства предъ внѣшнимъ проистекаетъ изъ преиму-

щественной непосредственности соприкосновенія чувствующаго субъекта съ чувствуемымъ объектомъ: такъ какъ отъ двухъ самыхъ важныхъ въ теоретическомъ отношеніи чувствъ зрѣнія и слуха предметы отстоятъ большею частію вдали, при чемъ чистому ихъ дѣйствованію сколько помогаетъ, столько и препятствуетъ среда,—всѣми пятью внѣшними чувствами душа прикасается къ внѣшнему міру только со внѣшней его стороны, между тѣмъ какъ и этой поверхностной стороны вселенной имъ подлежитъ только безконечно малая часть: ощущенія внутренняго органическаго чувства, при непосредственности соприкосновенія чувства съ ощущаемымъ предметомъ, тусклы и слитны, такъ что всѣ органическіе процессы, возбуждающіе это чувство, подлежатъ ему только незначительною по количеству своею долею; въ дѣятельности же душевнаго чувства субъектъ чувствующій и объектъ чувствуемый суть единство—самъ человѣческій духъ, внѣшніе возбуждающее это чувство объекты должны быть тождественны съ таковыми же внутренними и чувствуются потолику, поколику сливаются въ это тожество,—субъектъ насквозь пронизываетъ, въ каждомъ пунктѣ проникаетъ и собственнымъ свѣтомъ озаряетъ чуствуемый объектъ. Сверхъ всего этого когда прочія чувства, внѣшнія и внутреннее физическое, ограничены опредѣленными болѣе или менѣе тѣсными сферами, внутреннее душевное чувство не встрѣчаетъ себѣ окончательнаго предѣла нигдѣ ни на землѣ въ земномъ, ни поверхъ земли въ небесномъ, ни наконецъ въ духѣ и въ сферѣ духовъ, чувствуя въ себѣ аналогичность видимыхъ міровъ съ землею, а относительно міра духовъ аналогичность ихъ съ духомъ человѣческихъ и непреложность въ приложеніи основныхъ законовъ и формъ, коренныхъ категорій и высшихъ идей человѣческаго разума даже къ самымъ отдаленнымъ и таинственнымъ сферамъ міробытія. 2) Что въ свидѣтельствѣ высшихъ душевныхъ чувствъ есть показанія обще-субъективныя, общеобязательныя, обще-признанныя, это доказывается

существованіемъ обще-признанныхъ идеаловъ прекраснаго и высокаго въ сферѣ эстетическаго вкуса, въ области собственно сердца, — единствомъ основъ морали и законодательства всѣхъ вѣковъ и народовъ, равно какъ и существованіемъ обще-признанныхъ нравственныхъ идеаловъ праведнаго и святаго, — всѣмъ, что признано человѣкомъ за истинное въ сферѣ сознанія, въ области всѣхъ трехъ чувствъ внѣшняго и внутренняго, низшаго и высшаго, — доказывается въ сферѣ особенно высшаго душевнаго чувства безспорнымъ существованіемъ прирожденныхъ обще-обязательныхъ законовъ и формъ мышленія, основныхъ категорій разсудка и высшихъ идей разума. 3) При этомъ должно имѣть въ виду, что чувствуя себя и внѣшнимъ чувствомъ и внутреннимъ органическимъ какъ сила видящая, слышащая, осязающая, ощущающая голодъ и жажду и т. д., душа какъ сила самосознающая, мыслящая, нравственно дѣятельная, эстетически чувствующая, чувствуетъ себя собственно высшимъ душевнымъ чувствомъ; это душевное чувство есть носитель низшихъ чувствъ, внутренняго физическаго и внѣшняго, что доказывается физіологическими опытами отдѣленія чувствующихъ первовъ отъ мозга и взрѣзываніемъ мозга, откуда открывается не только то, что сѣдалище чувствительности находится не въ органахъ чувствъ, а въ мозгу, но и то, что чувство и сознаніе суть единство, и чувства безъ сознанія перестаютъ быть чувствами, тогда какъ сознаніе безъ многихъ, если только не безъ всѣхъ внѣшнихъ чувствъ, по крайней мѣрѣ съ сильнымъ ослабленіемъ ихъ и задержкою, какъ наприм. въ летаргіи, продолжаетъ еще быть сознаніемъ; даже низшія чувства суть болѣе душевныя чувства, чѣмъ органическія, такъ какъ всѣ три чувства, весьма мало способныя опредѣлять происходящіе при ощущеніяхъ органическіе процессы, безмѣрно способнѣе указывать то, какъ воспринимаемое ими свойство предмета отражается въ высшемъ душевномъ чувствѣ и въ фокусѣ его—сознаніи: откуда явствуетъ,

что сознаніе или вообще внутреннее душевное чувство есть совершенно аналогичное внѣшнему внутреннее зрѣніе или вообще чувство и въ тоже время корень и центръ и душа всѣхъ низшихъ чувствъ. 4) Если въ сферѣ высшаго душевнаго, равно какъ и въ сферѣ внѣшняго чувства, съ одной стороны, можно сказать, нѣтъ ни одного ощущенія абсолютно-тожественнаго, самому себѣ равнаго у всѣхъ людей: то и съ другой стороны справедливо же сказать о немъ, какъ и о чувствѣ внѣшнемъ, что объективнымъ въ сферѣ простѣйшихъ душевныхъ ощущеній должно признавать то, что одинаково чувствовалось всегда и чувствуется вездѣ большинствомъ здоровыхъ людей, напр. восхитительность хорошаго весенняго утра, а въ сферѣ болѣе сложныхъ душевныхъ ощущеній—то, что чувствуется большинствомъ болѣе развитыхъ людей (наприм. безусловная обязательность всѣхъ положеній чистой математики), особенно же если оно опирается на свидѣтельство чувствъ лучшей части человѣчества всѣхъ вѣковъ (наприм. въ признаніи обязательности нравственной идеи вообще или закона цѣломудрія въ частности). 5) Въ тоже время справедливо и то сказать о высшемъ душевномъ чувствѣ, какъ сказано о чувствѣ внутреннемъ физіологическомъ, что тожественность высшихъ душевныхъ ощущеній у разныхъ людей можетъ быть, наглядно и принудительно для каждаго личнаго чувства, повѣрена тожественностію явленій предшествующихъ, сопутствующихъ и послѣдующихъ удовлетворенію потребностей чувства, а также особенно рѣзко и принудительно сказывающимся сочувствіемъ одного чувствующаго субъекта съ другимъ въ тожественномъ или аналогичномъ состояніи чувства (наприм. въ состояніи религіозной экзальтаціи, театральныхъ увлеченій, народныхъ торжествъ и т. п.). 6) Если поэтому въ отправленіяхъ внутренняго органическаго чувства единство законовъ природы сказывается безусловно-принудительнымъ образомъ, какъ явленіе не только субъективное или болѣе или менѣе обще-субъек-

тивное, но непререкаемо объективное, которое принудительно становится основаніемъ вѣры, что тѣмъ же единствомъ законовъ природы проникнуты отправленія и внѣшнихъ чувствъ во всемъ человѣческомъ родѣ и что вообще вся природа своимъ бытіемъ и свойствами соотвѣтствуетъ отраженію ея въ человѣческомъ чувствѣ: то тѣмъ съ большею настоятельностію должно сказать тоже о высшемъ душевномъ чувствѣ, потому во-первыхъ, что А) именно это чувство, какъ доказано, есть носитель и объединитель, корень и центръ не только внѣшняго, но и внутренняго органическаго чувства, слѣдовательно единый основной законъ ихъ общаго дѣйствованія долженъ имѣть свой источникъ именно въ высшемъ душевномъ чувствѣ;—далѣе потому, что Б) именно этимъ чувствомъ ощущаются прирожденные человѣку всеобщіе общеобязательные, принудительно дѣйствующіе законы и формы мышленія, коренныя категоріи разсудка и высшія идеи разума;—потому наконецъ, что В) именно этимъ чувствомъ носится наиболѣе ясное, наиболѣе неотступное, наиболѣе тожественное и себѣ равное у всѣхъ людей, наиболѣе кореннос—центральное ощущеніе,—это именно ощущеніе Я съ коренными принудительно опредѣляющими дѣятельность этого Я его законами и требованіями, съ возникающими изъ исполненія этихъ коренныхъ законовъ и потребностей коренными ощущеніями этого Я, изъ коихъ самымъ первичнымъ ощущеніемъ, одинъ великій мыслитель *(Декартъ)* призналъ: *„Я мыслю, слѣдовательно существую“;* а другой *(Фихте)* „Я есмь Я,—Я есмь“,—справедливо видя въ этомъ первичномъ положеніи абсолютную истину, основаніе и критерій всякой истины, а въ основанномъ на немъ законѣ тожества—первичный абсолютный законъ не только познанія, но и бытія.

Постараемся теперь дать возможно связный съ строго позитивной точки зрѣнія отвѣтъ на вопросъ: *все ли чувственное объективно?*

Чувствъ три: внѣшнее, область котораго огра-

ничивается съ одной стороны туманными звѣздными пятнами, а съ другой поверхностію человѣческаго тѣла,—внутреннее органическое, область котораго ограничивается внѣшнею сферою и центральною осью человѣческаго организма,—и высшее душевное, область котораго начинается отъ центра души и теряется въ безпредѣльности. Всю чувственную область, крайнею сферою, которую можно провести по крайнимъ туманнымъ звѣзднымъ пятнамъ, мы можемъ раздѣлить на двѣ части: *одна по сю сторону очертанной нами сферы туманныхъ пятенъ, а другая по ту сторону.*

Начнемъ съ первой, которая по эту сторону. Отдѣлимъ область чувства зрѣнія отъ другихъ чувствъ. Центромъ области зрѣнія будетъ человѣческій глазъ, а крайнею сферою проведенная нами по крайнимъ туманнымъ пятнамъ сфера. *Въ этой области зрѣнія все чувствуемое или чувственное въ строго объективномъ смыслѣ есть чувственная фиксія.* Прежде всего въ этомъ геометрически правильномъ шарѣ два центра—два зрачка глаза, что есть математическій абсурдъ, тогда какъ чувствуется одинъ центръ; предметы отражаются въ глазахъ вдвойнѣ; если же получается отображеніе одиночнымъ, то это только навыкъ умозаключенія, который нѣкоторымъ людямъ при безпечности или недостаточной концентраціи глазъ и измѣняетъ такъ, что предметы представляются вдойнѣ. Кажется, будто чувствуетъ глазъ и именно его поверхность, тогда какъ чувствуетъ сѣтчатая оболочка внутри глаза или лучше мозгъ. Кажется, будто чувствуется предметъ, тогда какъ чувствуется отображеніе предмета въ глазу, такъ что ощущенія разстоянія предмета при существованіи отображенія внутри глаза, величины при сравнительной малости отображенія, движенія и положенія при движеніи и положеніи отображенія внутри глаза обратномъ движенію и положенію предмета, суть чувственныя фиксіи. Чувствуется бытіе во вселенной тихаго свѣта, тогда какъ свѣта, и особенно тихаго стоячаго свѣта въ природѣ нѣтъ; есть или основатель-

но предполагается только чрезвычайно быстрое движеніе эѳира, возбуждаемое разкаленнымъ состояніемъ свѣтящихъ тѣлъ, происходящимъ отъ высокой температуры веществъ свѣтящаго тѣла, возбуждаемой силою въ большихъ массахъ сконцетрированнаго въ солнцѣ электричества или магнитизма; тогда какъ опять магнитизмъ и электричество, будучи тоже, что теплота и и свѣтъ, являются чувству нетожественными; тогда какъ высокое каленіе, высокая температура есть опять нѣчто отличное въ родѣ отъ ощущаемаго—только извѣстное движеніе частицъ вещества. Чувствуется мгновенное распространеніе свѣта, тогда какъ ему нужны промежутки времени для прохожденія пространствъ. Чувствуется до солнца и звѣздъ свѣтло, тогда какъ это не такъ: свѣтло только въ области мрака—темныхъ тѣлъ въ низшихъ слояхъ атмосферы верстъ до 10 ввéрхъ — не больше, а далѣе совершенно темно, ни солнца ни звѣздъ не видно. Атмосфера кажется по большей части голубою, иногда сѣрою, иногда красною, лиловою и т. д.; тогда какъ она сама ни свѣтла ни сѣра ни красна, а просто темна, разность же ея цвѣтовъ есть только различное разложеніе въ ней солнечнаго луча, бѣлаго въ своей цѣльности. Гдѣ съ высоты полета аэростатовъ чувствуется прекращеніе освѣщенной атмосферы, тамъ это не значитъ, что атмосфера прекращается, такъ какъ тоюже атмосферой, только въ болѣе разрѣженномъ видѣ, наполнено все небесное пространство; даже не значитъ, что тамъ прекращается и свѣтъ, а значитъ только, что въ изрѣженной атмосферѣ небеснаго пространства нашъ глазъ не видитъ свѣта, равно какъ и грудь наша въ изрѣженной атмосферѣ не можетъ дышать. Чувствуется въ концѣ атмосферы и весьма недалеко свѣтло-голубая плотная сфера неба, по которой на одинаковой дальности отъ земли раскиданы солнце, луна и звѣзды; тогда какъ нѣтъ ни плотнаго неба ни свѣтло-голубой сферы, тогда какъ небесныя свѣтила свѣтятъ на землю не съ гладкой свѣтло-голубой поверхности неба,

а изъ безпредѣльныхъ глубинъ небеснаго мрака, отстоя одно отъ другаго на безмѣрныя разстоянія. Небесныя свѣтила однѣ и тѣже въ разныя времена дня и года и въ разныхъ пунктахъ земныхъ поясовъ кажутся разноцвѣтными, тогда какъ эта разноцвѣтность происходитъ не отъ нихъ, а отъ состоянія атмосферы; кажутся самосвѣтящими, тогда какъ нѣкоторыя изъ нихъ темны. Звѣзды и планеты кажутся только свѣтящими точками, а луна и солнце незначительными и почти равномѣрными кругами, тогда какъ всѣ они суть шары размѣровъ громадныхъ и крайне разномѣрныхъ. Звѣзды кажутся почти одноцвѣтными, тогда какъ онѣ весьма разноцвѣтны; кажутся одиночными, тогда какъ много между ними двойныхъ; кажутся по числу весьма исчислимыми, тогда какъ онѣ безчисленны. Метеоры кажутся стольже или даже еще болѣе и блестящими и большими, какъ звѣзды, тогда какъ они и свѣтятъ свѣтомъ заимствованнымъ или даже свѣтомъ каленія, происходящаго отъ тренія ихъ въ атмосферѣ, и по размѣрамъ своимъ въ дѣйствительности весьма малы. Кометы кажутся такими же большими, какъ звѣзды, и столько же или еще больше яркими, тогда какъ онѣ и свѣтятъ свѣтомъ заимствованнымъ и гораздо менѣе по размѣрамъ и меньшую имѣютъ плотность. Звѣзды кажутся меньшими по размѣрамъ и по свѣтлости не только солнца, но и луны, тогда какъ всѣ онѣ безмѣрно больше луны, а нѣкоторыя больше и свѣтлѣе самаго солнца. Туманныя пятна кажутся только блѣдными пятнами свѣта, тогда какъ онѣ суть цѣлыя міріады міровъ, и такими пятнами застлана, какъ бисернымъ ковромъ, вся крайняя сфера, отдѣляющая чувственную область отъ нечувственной для тѣлеснаго чувства. Хотя чувству чувствуются въ голубой сферѣ неба большіе ничѣмъ якобы не наполненные промежутки, однакоже ни въ одну точку неба, направляясь по безконечнымъ радіусамъ отъ центра нашего глаза, нельзя указать, чтобы не попасть въ цѣлый міръ. За крайнюю сферу крайнихъ туманныхъ

пятенъ ни зрѣніе ни другое какое-либо изъ внѣшнихъ чувствъ уже не проникаетъ, тамъ чувствуется пустота, но опять несправедливо, такъ какъ и тамъ должна быть безпредѣльная полнота... Полетимъ назадъ на землю, остановимся, успокоимся. Вотъ всѣ эти міріады свѣтилъ пускаютъ лучи по прямой линіи къ центру моего глаза,—опять обманъ: только вотъ эта одна звѣздочка, прямо надъ головою стоящая, пускаетъ свой лучь по прямой линіи радіуса, всѣ же прочія по изогнутой атмосферическою аберраціею круговой, но и это только при неподвижномъ состояніи атмосферы, чего не бываетъ почти никогда, такъ какъ атмосфера волнуется то общими пассатными, то частными и мѣстными теченіями вѣтра, колебаніе же атмосферы доноситъ лучь до глаза по линіи спиральной или даже изломанной, чего уже не избѣгаетъ и эта одна прямо въ зенитѣ стоящая звѣздочка. Отсюда, что звѣзды или солнце кажутся стоящими на опредѣленномъ мѣстѣ,— это фальшь: онѣ не тамъ, гдѣ видитъ ихъ глазъ, а въ звѣздныхъ растояніяхъ это фальшь громадная, неизмѣримая даже милліонами миль; въ данномъ мѣстѣ эта полярная звѣзда чувствуется въ нѣсколькихъ аршинахъ отъ зенита, на сѣверномъ полюсѣ въ зенитѣ, у экватора изчезаетъ, за экваторомъ не можетъ быть видима; равно какъ и солнце въ Казани въ полдень равноденствія видится приблизительно на половинѣ прямаго угла, образуемаго линіями вертикальною и горизонтальною, у экватора въ зенитѣ, у полюсовъ— почти у горизонта. Вотъ съ палубы корабля видится, что солнце взошло,—обманъ; оно еще за горизонтомъ и видимо по прямой линіи быть не можетъ; а вечеромъ видится, что солнце еще не потонуло въ морѣ,— опять обманъ, уже нѣсколько минутъ тому назадъ потонуло. Луна, или лучше—атмосфера на счетъ времени восхожденія и захожденія луны — обманываетъ также, какъ и на счетъ солнца. А съ звѣздами она поступаетъ еще хуже, не дозволяя имъ будтобы, какъ видится глазу, не доходить и до горизонта, тогда какъ

онѣ доходятъ, но у горизонта бываютъ слабо или вовсе не видимы отъ густоты атмосферы и слабости свѣтовыхъ лучей. Въ небесномъ же звѣздномъ времени и отношеніи его къ звѣзднымъ пространствамъ, эта разность времени и мѣста чувствуемыхъ съ временемъ и пространствомъ дѣйствительными ведетъ къ большимъ результатамъ въ отношеніи даже къ ближайшимъ свѣтиламъ лунѣ и солнцу, въ отношеніи же къ дальнѣйшимъ—неподвижнымъ звѣздамъ ведетъ къ обману едва вообразимому по своимъ размѣрамъ, тѣмъ не менѣе несомнѣнному. Такъ какъ свѣту нужно время для прохожденія извѣстнаго пространства, между тѣмъ чувствуется, будто бы онъ распространяется мгновенно: то вотъ это туманное пятно свѣтитъ моему глазу, какъ и это солнце и эта луна свѣтятъ теперь,—обманъ: отъ луны этотъ свѣтлый лучь оторвался положимъ теперь, отъ солнца нѣсколько минутъ назадъ, а отъ туманнаго пятна нѣсколько тысячь лѣтъ тому назадъ. Вотъ эта неподвижная звѣзда, загорѣвшись яркимъ свѣтомъ, потухла,—полагаютъ—отъ великой катастрофы, отъ возгорѣнія на ней водорода; случилось это—повидимому—сегодня, — обманъ и громадный: свѣтъ отъ этой звѣздочки доходитъ до земли въ 3000 лѣтъ, звѣзда эта потухла 3000 лѣтъ тому назадъ, и потухши свѣтила человѣческому глазу цѣлыхъ 3000 лѣтъ! Изъ этихъ миріадъ одновременно теперь свѣтящихъ звѣздъ многія тысячи ихъ безъ сомнѣнія уже цѣлыя тысячи лѣтъ назадъ потухли; вмѣсто ихъ другія тысячи загорѣлись на доступномъ земному зрителю растояніи, но для нашего глаза еще не горятъ и не будутъ горѣть еще тысячи лѣтъ, потому что отъ нихъ свѣтъ доходитъ до земли въ тысячи лѣтъ и пока еще не дошелъ! *Итакъ глазъ видитъ не сущее и сущаго не видитъ.* Если при этомъ взять безмѣрно разныя свѣтилъ небесныхъ растоянія отъ земли, то настоящій чувственный видъ звѣзднаго неба есть невообразимый обманъ въ каждомъ своемъ пунктѣ въ соотношеніи каждой звѣзды къ каждой другой относительно мѣстъ и времени. Что было и изчез-

Bayerische Staatsbibliothek München

зло или перемѣстилось въ каждую изъ минутъ, составляющихъ цѣлыя тысячелѣтія, то наше чувство приговоздило въ опредѣленный занимаемый якобы и доднесь пунктъ пространства и въ одинъ якобы настоящій моментъ времени! Но спустимся опять изъ этой превысшей сферы хаотическаго обмана внизъ—въ атмосферу. Тутъ—въ атмосферѣ только и видимъ, что эти громады облаковъ, такія грозныя массивныя твердыни,—обманъ: это туманъ, улетучивающійся по мѣрѣ нашего къ нему приближенія. Больше въ атмосферѣ не видимъ ничего, сама она есть для нашего зрѣнія нѣчто не сущее до самой поверхности земли; намъ кажется, будто мы видимъ предметы въ атмосферѣ, по не атмосферу,—обманъ: атмосфера не только сущее, но и грубо матеріальное тѣло, способное механически производить тѣ ужасныя сокрушительныя дѣйствія, какія мы видимъ въ буряхъ, вихряхъ и ураганахъ, а всегда обнаруживающее страшное давленіе. И всѣ небесные цвѣта—это цвѣта атмосферы, такъ какъ она преломляетъ и разлагаетъ солнечные лучи, какъ и всякое прозрачное тѣло, вода, стекло и т. п. Но, что всего поразительнѣе, атмосфера есть тѣло переполненное неизмѣримыми массами воды и землистыхъ веществъ, неизчислимыми мірами растительныхъ и животныхъ споръ, цѣлыми родами летучихъ растеній и инфузорій. Вотъ глазъ видитъ опять сущее—безмѣрное разнообразіе цвѣтовъ, источаемыхъ безмѣрнымъ разнообразіемъ предметовъ,—обманъ грубѣйшій: предметы, быть можетъ, и существуютъ, но не для глаза, а что для глаза въ нихъ существуетъ, т. е. цвѣта, то въ нихъ не существуетъ, то есть аттрибутъ солнечнаго свѣта, только отражаемаго, такъ сказать—отталкиваемаго прочь отъ себя предметами. На поверхности земли все такъ повидимому мирно, спокойно, довольно неподвижно, — обманъ невообразимый. Въ этихъ такъ называемыхъ твердыхъ, повидимому—наиболѣе неподвижныхъ въ своемъ составѣ тѣлахъ, въ каждый моментъ времени міріады частицъ твердыхъ, жидкихъ

и газообразныхъ механически и химически разлагаются, смѣшиваются, улетучиваются, поступаютъ вновь; въ жидкихъ и газообразныхъ тѣлахъ, при общей ихъ текучести, частныя смѣшенія и разложенія совершаются еще съ большею совершенно невообразимою быстротою и повсюдностію. Эта гладкая неподвижная поверхность моря,—эта обзираемая глазомъ вдаль и вширь волнующаяся даль суши, то зеленая отъ общаго колорита зелени, то желтая отъ массы солнечныхъ лучей, отражающихся на пескѣ или созрѣвшей нивѣ, то тускло-сѣрая суглинисто-черноземная, — эта сумрачная глубь нѣдръ земныхъ, освѣщаемая большею частію искуственными свѣтильниками, изрѣдка у поверхности земли или въ выносимыхъ на свѣтъ Божій своихъ частяхъ освѣщаемая солнечнымъ свѣтомъ,—та и другая и третья во всякомъ случаѣ довольно однообразная,—какое закрываетъ она отъ глазъ невообразимое количество всякихъ механическихъ измѣненій, химическихъ процессовъ, органическихъ рожденій и смертей, возрастаній и разложеній! Вотъ эта морская поверхность издаетъ по ночамъ сильный сплошой свѣтъ,—это міріады инфузорій, изъ коихъ ни одного нельзя видѣть простымъ глазомъ. Вотъ эта бѣлая мѣловая гора, — то міріады панцырей міріадъ инфузорій, нѣкогда жившихъ, которыя и подъ микроскопомъ разбираются плохо. Вотъ эти растенія покрылись на листьяхъ красноватымъ отблескомъ,—это міріады живыхъ сплошною массою залегшихъ микроскопическихъ паразитовъ! На какомъ-нибудь едва замѣтномъ для глаза паразитѣ свои паразиты, едва замѣтные для микроскопа, а на тѣхъ свои паразиты весьма замѣтные для сильнаго микроскопа и такъ дальше безъ конца, и цѣлые міры этихъ существъ съ своею весьма сложною организаціею, съ своимъ размноженіемъ, развитіемъ, моментальною жизнію, исчезновеніемъ. И все это простой невооруженный глазъ давно уже, на предѣлѣ еще весьма крупныхъ сравнительно существъ, переставъ видѣть,—все это для него гладь и небытіе, какъ не-

бытіе начинается для него и съ того предѣла крайней, весьма неглубокой сравнительно съ длиною земнаго радіуса, глубины, до которой человѣкъ успѣлъ врыться въ землю. Тамъ для глаза преисподній аидъ, не имѣющій и тѣней блуждающихъ. Возникая оттуда вверхъ опять, мы видимъ, что земля стоитъ спокойно и неподвижно, а небесная сфера совершаетъ вокругъ нея свое суточное вращеніе и совершаетъ такъ медленно, что это вращеніе едва едва можетъ быть замѣчено въ теченіи часовъ по медленному перемѣщенію свѣтилъ въ отношеніи къ неподвижнымъ пунктамъ на землѣ, при чемъ всѣ части небесной сферы хранятъ между собою вѣковѣчно пропорціональное и почти неподвижное положеніе,—обманъ невообразимо грубый, когда земля безпрерывно движется, то качаясь наклоняется окружностью по меридіану взадъ и впередъ,—то въ тоже время вертится окружностью около оси,—въ тоже время бѣжитъ впередъ всею своею массою со скоростію десятковъ верстъ въ секунду, совершая годичное свое теченіе вокругъ солнца,—въ тоже время со скоростію еще неизмѣренною и неизмѣримою бѣжитъ вслѣдъ за солнцемъ, какъ луна вслѣдъ за землею, вокругъ свѣтила ли или просто пункта небеснаго равновѣсія центральнаго для самаго солнца,—вслѣдъ за этимъ центромъ, быть можетъ, опять бѣжитъ около другаго массивнѣйшаго или могущественнѣйшаго безъ массы центра небеснаго тяготѣнія и т. д. И все это, всѣ до единаго небесныя тѣла несутся и несутся и несутся со скоростію буквально невообразимою, дѣйствительно даже немыслимою, не только что не чувствуемою, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно дѣйствительною, такъ что для человѣческаго глаза нигдѣ во вселенной нѣтъ пункта стоянія; если же глазъ такіе пункты указываетъ, то обманываетъ!.. И счастье, что обманываетъ, что глазъ чувствуетъ то, чего нѣтъ, и не чувствуетъ того, что есть. Иначе у человѣка закружилась бы голова отъ этого всеобщаго повсюднаго всесторонняго неудержимаго движенія, какъ кружится на паромѣ, когда идетъ мимо ледъ...

Счастливые ли въ своей области уло? Эта область чувства слуха простирается отъ уха человѣческаго, какъ центра, до сферической окружности, заканчиваемой высотою разряженія электричества въ громовыхъ тучахъ и разрыва аеролитовъ, а также высотою поднятія аеростатовъ и незначительною высотою надъ ними, съ которой могутъ быть слышны на аеростатахъ рѣдкіе звуки, происходящіе въ высшихъ слояхъ атмосферы, каковыми можетъ быть только трескъ разрывающихся аеролитовъ. Въ этой звуковой сферѣ фиксіи ощущеній весьма аналогичны съ фиксіями ощущеній зрѣнія. Во-первыхъ въ слуховой правильно геометрической сферѣ два центра, два слуховыхъ органа одного и тогоже человѣка. Если звуки въ слухѣ человѣка не двоятся, то причина этому не въ двухъ его ушахъ, а наоборотъ, не смотря на два его уха, въ единствѣ центральнаго чувствилища—въ мозгѣ. Тѣмъ не менѣе бываетъ, что звуки двоятся въ ушахъ, при разности одного уха отъ другаго въ чувствительности, что случается весьма часто, а также при рѣдкой, но возможной разности самой значимости звуковъ для двухъ ушей одного человѣка. Вся совокупность звуковъ почти безъ исключенія происходитъ на дѣлѣ не такъ, какъ отражается въ нашемъ чувствѣ: не въ той силѣ, степени, даже значимости: вотъ раздаются въ ушахъ, въ одномъ или обоихъ, трубы и литавры, а вина всему этому нѣсколько лишнихъ капель крови, беззвучно приливающей къ головѣ; вотъ раздается трескъ, будтобы медвѣдь въ лѣсу ломаетъ сучья чащи, то мелкое насѣкомое ворочается, случайно заползши въ ухо; вотъ раздается выстрѣлъ изъ пушки, то кто-либо заговорилъ надъ самымъ ухомъ. Не въ одинаковой силѣ звуки чувствуются не только у разныхъ людей при разной остротѣ слуха, но и у одного человѣка при разной чувствительности одного уха отъ другаго; мыслимо, хотя и не можетъ быть повѣрено, по недостатку масштаба для подобной повѣрки, что одинъ и тотъ же звукъ чувствуется разными людьми не-

одинаковой значимости, наприм. нѣсколько выше, нѣсколько ниже, что̀ можетъ быть ощущаемо и однимъ человѣкомъ при разной чувствительности одного уха сравнительно съ другимъ, что̀ обнаруживается также и въ томъ фактѣ, что одни и тѣже звуки одному и томуже человѣку кажутся чище и гармоничнѣе въ томъ состояніи его здоровья, когда его собственный голосъ чище, сильнѣе и свободнѣе, а наоборотъ менѣе гармоничными и чистыми, когда его собственный голосъ нечистъ и горло затруднено, что зависитъ отъ связи голосовыхъ нервовъ съ слуховыми. Большею частію звуки чувствуются не въ тоже время, когда происходятъ въ природѣ, такъ какъ дрожащей волнѣ воздуха нужно извѣстное время, чтобы пройти извѣстное пространство, чтобы достигнуть слуха, и не въ томъ соотношеніи звуковъ, какъ устанавливается оно въ природѣ, потому что правильному отраженію массы звуковъ въ слухѣ мѣшаетъ разность времени, нужнаго для достиженія уха звукамъ не только ближайшимъ и дальнѣйшимъ, но и сильнѣйшимъ и слабѣйшимъ, высшимъ и низшимъ, — мѣшаетъ разность и разное состояніе среды, чрезъ которую звукъ проходитъ, такъ какъ проводящими звукъ средами бываютъ кромѣ воздуха — вода, земля, металлы, камень; воздухъ можетъ быть чистъ или наполненъ парами и пылью, можетъ быть теплый и холодный, подвижной и неподвижной, тихо стоящій и вѣтряный, а всѣ эти состоянія вліяютъ на разность передачи звука, равно какъ на тоже вліяютъ разныя расположенія около нашего уха разныхъ отражателей: вотъ послѣдній отчаянный крикъ утопающаго, но вы слышите его, когда человѣкъ уже утонулъ; вотъ звукъ выстрѣла, но достигаетъ уже слуха уже умирающаго, сраженнаго этимъ выстрѣломъ; вотъ молнія бродитъ уже по комнатамъ и только послѣ этого уже громъ потрясаетъ стѣны вашего дома; вотъ издали долетающая до слуха гармонія, но несовсѣмъ складная, потому что звуки долетаютъ до слуха смѣшанными средою, которую имъ нужно было расшевелить, чтобы

достигнуть уха; вотъ страшный вопль въ лѣсу, раздающійся хохотомъ лѣшаго, то разносимый лѣснымъ эхомъ голосъ самой невинной птицы. Наконецъ звукъ есть величайшая изъ загадокъ природы и науки: потому что звука въ природѣ нѣтъ, тамъ есть только дрожательное, въ разныя стороны распространяющееся движеніе частицъ вещества; въ безвоздушномъ пространствѣ, въ верхнихъ слояхъ атмосферы звукъ ослабѣваетъ или даже исчезаетъ, какъ и свѣтъ: на вершинѣ высокихъ горъ выстрѣлъ раздается не слышнѣе хлопанья въ ладоши; подъ воздушнымъ колоколомъ при высасываніи воздуха звукъ колокольчика ослабѣваетъ, а потомъ почти исчезаетъ совсѣмъ; на аеростатахъ, чтобы одинъ человѣкъ услышалъ другаго, нужно кричать надъ самымъ ухомъ. Въ извѣстныхъ предѣлахъ царство звука, царство сущаго для слуха человѣческаго оканчивается; оканчивается, гдѣ въ дѣйствительности безъ сомнѣнія не оканчивается,—гдѣ наоборотъ едвали не начинаются двѣ великія гармоніи природы, одна въ маломъ, а другая въ великомъ: съ одной стороны тотъ гармоническій говоръ растущей травы, который слышенъ былъ вѣщему уху *Одина*, который слышенъ и нашему уху въ тихую весеннюю ночь, тогда какъ днемъ его неслышно; а съ другой стороны та „божественная гармонія небесныхъ сферъ“, которую слышалъ *Пивагоръ*, гармонія не только поэтическая, но и дѣйствительно позитивная: такъ какъ земля и міріады другихъ громаднѣйшихъ небесныхъ тѣлъ, разсѣкая невообразимою быстротою своего полета и громадностію массъ атмосферу разлитую вездѣ въ небесныхъ пространствахъ, должны производить невообразимую массу дрожательныхъ волнъ не только въ этой атмосферѣ небесныхъ пространствъ, но и въ собственномъ составѣ подобно летящимъ бомбамъ,—та радужно-гармоническая музыка солнечныхъ лучей, которая съ восходомъ солнца слышалась въ статуѣ Мемнона, которую могли бы слышать всѣ и всюду, если бы люди выучились дѣлать такіе же микроскопы для

уха, какіе изобрѣтены для глаза, — такъ какъ масса солнечныхъ лучей, распространясь дрожательными волнами съ необычайною быстротою, пронизывая атмосферу, приводитъ въ движеніе и трепетный восторгъ не только всякую жизнь на землѣ, но и самую землю, какъ и другія тѣла солнечной системы,—та божественная гармонія, которую поютъ въ хвалу Богу солнце и луна и вся звѣзды и свѣтъ, какъ и все сотворенное, которую слышалъ вдохновенно-вѣщимъ ухомъ и Давидъ пророкъ. А наше грубо позитивное ухо для этихъ наиболѣе вѣщихъ звуковъ тупо: для него они не существуютъ.

Сфера чувства осязанія, начинаясь поверхностію человѣческаго тѣла, оканчивается тѣми предѣлами, какихъ можетъ достигнуть человѣческая рука съ своими пальцами, т. е. извѣстною глубиною морскаго дна и разрытыхъ нѣдръ земли, а съ другой стороны извѣстною высотою полета аеростатовъ. Подобно чувствамъ зрѣнія и слуха, и это чувство немало обманываетъ насъ въ указаніи объективныхъ свойствъ предметовъ: такъ какъ степени температуры въ природѣ не существуютъ, тамъ вмѣсто того есть только большее или меньшее расширеніе и сжатіе частицъ вещества; да и кромѣ того собственно ощущаемое осязаніемъ расширеніе или сжатіе частицъ вещества происходитъ не въ прикасающемся къ нашему тѣлу предметѣ, но вслѣдствіе этого прикосновенія внутри нашего тѣла. Другія производимыя этимъ чувствомъ ощущенія фигуральности предметовъ, шершавости или гладкости, даже упругости и нетвердости, будучи разнозначущи у разныхъ людей, очень рано оканчиваются у всѣхъ; такъ что это чувство отказывается служить человѣку тамъ, гдѣ чувство вооруженнаго зрѣнія только что начинаетъ указывать цѣлые микроскопическіе міры: палецъ едва ощущаетъ на гладкой поверхности сырость, которая кишитъ микроскопическими животными; рука ощущаетъ только легкое прикосновеніе разбѣгающагося вдыхаемаго и выдыхаемаго

человѣкомъ воздуха, будучи вовсе неспособна поймать въ нихъ что-либо осязаемое, тогда какъ каждый вздохъ несетъ опять же міріады микроскопическихъ существъ; даже вообще тупо чувствуется осязаніемъ матеріальность и самое бытіе воздуха, когда онъ тихъ и имѣетъ подходящую къ человѣческому тѣлу температуру, не говоря уже о безконечномъ разнообразіи его содержанія.

Сфера чувствъ обонянія и вкуса, начинаясь внутренними оболочками носа и рта, какъ центромъ, ограничивается тѣмиже крайними предѣлами, какими ограничивается сфера и осязанія. Тогда какъ въ чувствахъ зрѣнія и слуха преобладаетъ теоретическій характеръ, направленный къ рѣшенію вопросовъ, что̀ такое есть res in se, въ этихъ двухъ чувствахъ вкуса и обонянія начинаетъ преобладать характеръ практическій, направленный къ рѣшенію вопроса, что̀ такое вещь не столько̀ въ себѣ и для себя, сколько для насъ; между тѣмъ какъ въ чувствѣ осязанія видится равновѣсіе обоихъ характеровъ. Но и эти чувства въ отношеніи къ рѣшенію вопроса, принадлежатъ ли предметамъ тѣ свойства, которыя имъ приписываются, являютъ свои неудобства въ томъ, что эти чувства у различныхъ людей значительно разностепенны и даже разнозначущи; кромѣ того вводятъ насъ въ обольщеніе тѣмъ, что относятъ къ предметамъ свойства, которыя больше, если только не изключительно, суть *состоянія субъекта*, чѣмъ свойства объекта, — которыя по крайней мѣрѣ единственно и изключительно суть *отношенія между субъектомъ* и перестающимъ быть собою *объектомъ*, какъ напримѣръ сладость сахара есть свойство не того сахара, который мы держимъ въ рукахъ, но того химическаго соединенія, которое совершилось у насъ на языкѣ съ разрушеніемъ почувствованной нервами языка части сахара.

Такимъ образомъ объективность показаній чувства внѣшняго, основательно и разносторонне разрушаемая разсудочнымъ анализомъ, который справедливо пока-

зываетъ, что это чувство большею частію съ предметомъ непосредственно не соприкасается и приписываемыя имъ свойства предметамъ не принадлежатъ, была бы крайне сомнительна, — если бы дѣятельность этого чувства не была тѣсно связана съ дѣятельностію чувства внутренняго физіологическаго, если бы непререкаемая достовѣрность показаній этого послѣдняго чувства не переносилась частію и на первое—внѣшнее.

Относительно достовѣрности показаній *внутренняго физіологическаго чувства* сомнѣваться труднѣе, потому что никакимъ разсудочнымъ анализомъ нельзя подвергнуть сомнѣнію принадлежность предметамъ тѣхъ свойствъ, какія открываются въ нихъ этимъ чувствомъ. Это чувство наиболѣе непосредственно соприкасается съ дѣйствующими на него предметами, и нося въ себѣ главнымъ образомъ практическій характеръ съ задачею рѣшать о предметѣ не столько то, что̀ есть онъ самъ въ себѣ, сколько то, какъ̀ онъ относится именно къ чувству, въ самоощущеніи не ошибается тѣмъ болѣе, что дѣйствующій на него предметъ, въ наибольшей части случаевъ переставая быть самимъ собою, сливается съ чувствующимъ субъектомъ. Въ отправленіяхъ этого чувства единство законовъ природы сказывается безусловно принудительнымъ образомъ, какъ̀ явленіе не только субъективное или болѣе или менѣе обще-субъективное, но непремѣнно-объективное. Оно-то принудительно становится основаніемъ философской вѣры, что тѣмъ же единствомъ законовъ природы проникнуты отправленія и внѣшнихъ чувствъ во всемъ человѣческомъ родѣ, и что вообще вся природа своимъ бытіемъ и свойствами соотвѣтствуетъ отраженію ея въ человѣческомъ чувствѣ. Но въ тоже время внутреннее физіологическое чувство даетъ показанія о явленіяхъ, внутри человѣческаго организма происходящихъ, тусклыя и слитныя, такъ что всѣ возбуждающіе его ощущеніе органическіе процессы подлежатъ ему весьма малою своею долею, узнаются же больше посредствомъ внѣшнихъ чувствъ. Сверхъ того область этого чувства переполнена такимъ же неизчислимымъ

количествомъ бытій и процессовъ, какъ и область внѣшняго чувства: части человѣческаго организма, то существенно къ нему относящіяся, то паразитныя въ количествѣ неизмѣримомъ, ежеминутно мѣняются, вновь поступаютъ, образуются, отлагаются, исчезаютъ; органическіе, химическіе и механическіе процессы, въ разнообразіи неуловимомъ, несутся чрезъ тѣло человѣка одинъ за другимъ и одинъ въ другомъ и одинъ вопреки другому, рядомъ съ бѣгомъ самаго времени не останавливаясь; обще-органическое человѣческое чувство проносится надъ ними—нельзя сказать — весьма поверхностно, но весьма обще, не имѣя способности даже прикоснуться къ милліонамъ внутреннихъ бытій и совершающихся въ нихъ измѣненій, а не то, что раздѣльно освѣтить ихъ для сознанія. Въ тоже время при милліонахъ бытій и процессовъ въ области этого чувства самыя ощущенія его, какъ и прочихъ чувствъ, опять мелькаютъ безпрерывною слитною вереницею, при чемъ даже въ одномъ человѣкѣ одно индивидуальное ощущеніе абсолютно не можетъ быть адекватно другому,—а индивидуальное представленіе о каждомъ отдѣльномъ ощущеніи еще менѣе можетъ быть адекватно представляемому, — а тѣмъ менѣе можетъ быть адекватно цѣлому возбуждающему отдѣльныя ощущенія процессу, какъ необъятной суммѣ отдѣльныхъ измѣненій, происходящихъ въ необъятной же суммѣ отдѣльныхъ участвующихъ въ процессѣ бытій. Поэтому и внутреннее физіологическое чувство не давало бы намъ не только объективнаго, адекватнаго неуловимой текучести бытій и процессовъ, въ нашъ организмъ включенныхъ, но и никакого разумнаго познанія, если бы дѣятельность этого чувства не была органически связана съ дѣятельностію высшаго внутренняго душевнаго чувства.

Но *душевное чувство* въ своей области находитъ уже не одинъ особый міръ души, а цѣлыхъ три міра: подлежащій внѣшнему чувству внѣшній міръ, подлежащій внутреннему физіологическому чувству міръ органическихъ процессовъ и частей человѣческаго тѣла,

наконецъ спеціально подлежащій душевному чувству міръ души, съ взаимными ихъ — всѣхъ этихъ трехъ міровъ отношеніями и отраженіемъ въ сознаніи. Но этого мало. Душевному чувству, и ему одному изключительно подлежитъ особый міръ чувственнаго небытія и бытія абсолютнаго. Область этого чувства, начинаясь отъ центра человѣческой души и центральной оси человѣческаго тѣла, простираясь далѣе чрезъ внутренность и самый центръ и внѣшнюю атмосферическую оболочку земнаго шара, чрезъ поверхности и внутренности и центры всѣхъ подлежащихъ и не подлежащихъ внѣшнему зрѣнію міровъ небеснаго пространства, объемля всѣ неорганическія и органическія находящіеся на этихъ мірахъ существа съ законами и свойствами ихъ бытія, простирается до сферы проведенной нами по дальнѣйшимъ доступнымъ зрѣнію туманнымъ пятнамъ, но не останавливается и здѣсь, а устремляется въ безбрежную даль безпредѣльности, гдѣ чувство допытывается, что̀ такое тамъ, конецъ ли міра матеріальнаго, или только берегъ новаго безбрежнаго океана матеріальныхъ міровъ, — есть ли что̀ помимо матеріальнаго бытія — міры чисто духовные съ живыми существами аналогичными нашему духу, проходитъ ли по всему этому безконечному разнообразію бытій единство бытія,—царитъ ли надъ бытіемъ множественнымъ единое, надъ измѣняющимся неизмѣнное, надъ ограниченнымъ безпредѣльное, надъ условнымъ безусловное. И что̀ же это чувство въ своей безграничной области чувствуетъ? Что̀ чувствуетъ *внѣшнею своею стороною — внѣшнимъ чувствомъ?* Замѣтимъ, что ощущенія внѣшняго, точно также какъ и внутренняго чувства, будучи внутренними состояніями чувствующаго субъекта, свидѣтельствуютъ всѣ до единаго о томъ, какъ объектъ дѣйствуетъ на чувство, а не о томъ, что̀ онъ такое какъ res in se,—что зрѣніе и слухъ съ предметами не соприкасаются,—что осязаніе, подходя къ предмету—повидимому—ближе, касаясь его почти непосредственно, опредѣляетъ тонкости подлежащихъ ему свойствъ хуже даже не вооруженнаго, а не толь-

ко что вооруженнаго зрѣнія,—что обоняніе и вкусъ, касаясь предметовъ непосредственнѣе прочихъ чувствъ, разрушаютъ его механически и химически и ощущаютъ собственно не предметъ, а смѣсь объекта и субъекта; — что свойства, открываемыя внѣшнимъ чувствомъ въ объектахъ, могутъ быть отъ объекта отдѣляемы и оспариваемы, какъ имъ не принадлежащія,—что внутреннее органическое чувство даетъ показанія о предметахъ его области слитныя, тусклыя и общія, весьма мало проникая въ совершающіеся въ человѣческомъ организмѣ процессы; весьма мало прикасаясь къ находящимся въ немъ особымъ бытіямъ. При всѣхъ этихъ ограниченіяхъ, стѣсняющихъ возможность получить объективную и вообще какую бы то ни было истину, внѣшнею своею стороною, т. е. внѣшнимъ чувствомъ, чувство душевное испытываетъ безконечное количество отдѣльныхъ ощущеній, соотвѣтствующихъ безмѣрному количеству отдѣльныхъ бытій внѣшняго міра съ безпрерывнымъ ихъ и повсюднымъ теченіемъ: такъ какъ не стоя ни секунды луна бѣжитъ около земли; земля, качаясь на полюсахъ, вертясь около оси, бѣжитъ кругомъ солнца; солнце аналогичнымъ образомъ бѣжитъ около своего центра; неизчислимыя міріады видимыхъ и невидимыхъ солнцевъ бѣгутъ за своими центрами куда-то въ безбрежную даль безъ какого бы то ни было пункта стоянія въ универсѣ; какъ въ этихъ далекихъ мірахъ, такъ и на нашей землѣ все опять же не стоя ни мгновенія движется: силы земныя — магнитизмъ — теплота—электричество и другія только и знаютъ, что двигаться и двигать; атмосфера во всѣхъ своихъ частяхъ движется; твердыя, жидкія и газообразныя тѣла безпрерывно мимо другъ друга и внутри другъ друга движутся; организація—жизнь потому и есть жизнь, что въ міріадахъ существъ, органическихъ частей и процессовъ движется. *Вездѣ внѣ человѣка головокружащее движеніе.* Но не можетъ ли голова отдохнуть — устояться *въ самомъ человѣкѣ—въ организмѣ человѣческомъ?* Нѣтъ. И здѣсь тоже головокружащее движеніе. Въ дыханіи человѣка, въ крови,

во всѣхъ жидкостяхъ миріады паразитныхъ живыхъ существъ, какъ рыбъ въ морѣ, — миріады органическихъ особей, принадлежащихъ къ строенію самаго организма,—миріады особыхъ и собственныхъ и паразитныхъ органическихъ процессовъ: во всѣхъ этихъ отправленіяхъ движенія безконечно больше того, сколько вообразить можно. *Ну въ глуби человѣческаю духа—тамъ покой, тамъ отдохновеніе, тамъ тишина?* Нѣтъ, тоже безконечно пестрое и безконечно быстрое мелканіе ощущеній—представленій—образовъ—понятій—желаній—стремленій,—вѣчное и безконечное вращеніе, ни секунды стоянія! При такомъ вѣчномъ и безконечно-пестромъ міровращеніи, при взаимной условности всѣхъ частей міробытія и міросозерцанія, ни одно индивидуальное явленіе, какъ и соотвѣтствующее ему отраженіе его въ нашемъ духѣ, не можетъ быть абсолютно тожественно съ другимъ; ни одно индивидуальное представленіе, соотвѣтствующее индивидуальному ощущенію, по безмѣрному количеству относящихся къ нему въ фактѣ признаковъ, не можетъ быть адекватно ощущенію. Т. е. предметъ несется мимо ощущенія и не точно отражается въ немъ; ощущеніе пронеслось мимо представленія и не точно отразилось въ немъ; на представленіи обосновалось понятіе и опять не точно согласно съ представленіемъ. Духъ человѣческій вѣчно кружится въ сферѣ мелькающихъ тѣней, клубящагося дыма, одуряющаго чувственнаго обмана... О томъ ли тутъ спрашивать, такъ ли все это существуетъ, какъ чувствуется?! Не скорѣе ли о томъ, существуетъ ли все это, или только исчезаетъ, какъ спрашивали первые философствующіе мыслители—древніе греки?! Да остановись же исчезающее, не бѣгите тѣни.... Но увы! *все течетъ*,—плакался еще старый мыслитель *Гераклитъ*. Но за что ухватиться, чтобы сдержать неудержимый бѣгъ увлекающей и самого человѣка и чувство человѣка необъятной вселенной?..

(продолженіе будетъ)